

А.С. ПРУГАВИН

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ АРХИЕРЕИ В СУЗДАЛЬСКОЙ КРЕПОСТИ

С портретами епископов-узников

(по московскому изданию 1908 г.)

ОТ АВТОРА.

Материалом для настоящего очерка послужили официальные данные, извлеченные мною из «секретных дел» разных архивов, доступ в которые и до сих пор обставлен у нас всевозможными затруднениями, о чем, конечно, нельзя не пожалеть, так как многие из этих архивов заключают в себе богатейшие материалы относительно религиозных, политических и аграрных движений русского народа.

Позволю себе сказать здесь несколько слов о том, как составила эта брошюра и какими цензурными и полицейскими стеснениями сопровождалось в свое время появление тех статей, которые вошли теперь в нее.

Во время пребывания моего на Урале в 1882 году я получил возможность работать в тамошних архивах¹, и благодаря этому мне удалось ознакомиться с секретными делами, касавшимися уральского сектантства и старообрядчества. Пользуясь этими сведениями, я тогда же написал несколько статей по вопросу об уральском старообрядчестве и сектантстве, в том числе статью под заглавием: «Старообрядческий епископ Геннадий», в которой приводились сведения о преследованиях этого епископа административными и полицейскими властями, об его аресте и заключении в суздальскую монастырскую тюрьму.

Статья эта была напечатана в декабрьской книжке «Русской Мысли» за 1882 год, но, по требованию цензуры, книжка была задержана и статья моя вырезана из журнала и уничтожена. Чтобы иметь возможность напечатать эту статью, я принужден был значительно переделать ее, т. е. по возможности «смягчить» и обесцветить. После этой операции статья была напечатана в № 11-м «Исторического Вестника» за 1883 год, под названием: «Один из суздальских узников».

Несмотря на вполне спокойный, сдержанный и объективный тон как этой статьи, так и других моих статей, появившихся тогда² по вопросу об уральском сектантстве, тем не менее, однако, им суждено было вызвать немалый переполох в административных сферах. Министерские и синодские власти особенно были встревожены тем обстоятельством, что статьи мои целиком были построены на «официальных данных».

А так как вопрос о расколе и сектантстве издавна считался в бюрократических сферах особенно важным и особенно щекотливым, при чем вся переписка по этим вопросам всегда велась не иначе, как «совершенно секретно» и «конфиденциально», то поэтому власти были чрезвычайно обеспокоены вопросом: как и откуда я мог получить для своих статей официальные сведения, составлявшие административный секрет? И вот на Урал полетели грозные запросы на тему о том: кто разрешил? кто допустил? и т. д.

Оказалось, что виновным в разрешении был никто другой, как пермский губернатор г. Енакиев, который если избежал ответственности за «допущение» исследователя сектантства к секретным делам, то только потому, что как раз в это время умер. В виду этого Министерство Внутренних Дел, сколько мне известно, ограничилось лишь изданием особого циркуляра, которым губернским властям еще раз строжайше подтверждалось об обязанности их хранить и оберегать административные секреты, в роде дел по сектантству и расколу, от всякого постороннего глаза.

¹ Главным образом — в архиве пермского губернского правления и канцелярии пермского губернатора.

² В «Голосе», «Вестнике Европы», «Русской Старине» и т. д.

По отношению же лично меня тогдашний министр внутренних дел граф Д.А. Толстой еще осенью 1882 года счел необходимым учредить секретный полицейский надзор за всеми моими действиями по исследованию на местах русского сектантства. С этой целью министерством издан был «совершенно секретно» специальный циркуляр к губернаторам, которым предписывалось следить за всеми моими сношениями с сектантами. В свою очередь губернаторы, как водится, предписали о том же уездным исправникам...³ Это, конечно, вынудило меня надолго прекратить свои исследование на местах.

Много лет спустя после этого, а именно в начале текущего десятилетия, мне посчастливилось проникнуть, хотя и не вполне легальным образом, в секретный архив Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. Тут я нашел несколько сот дел, касающихся заключения в суздальской монастырской тюрьме различных представителей сектантства и старообрядчества, в том числе епископов: Геннадия, Алимпия и Конона, а также архиепископа Аркадия.

Пользуясь этими делами, я написал ряд статей в «Праве», а также очерк под названием «Старообрядческие архиереи в Суздальской крепости». Статьи в «Праве» проходили без особых затруднений со стороны цензуры; но когда общелитературные журналы пытались приводить на своих страницах извлечение из этих статей, — цензура тотчас же вмешивалась в это и накладывала свое veto. Так было, например, с журналом «Мир Божий», редактор которого вызывался к цензору за то, что допустил в журнале перепечатку из моих статей в «Праве» о монастырских тюрьмах. По требованию цензора перепечатка была исключена из журнала, и редактору было поставлено на вид, что не дело светского журнала вторгаться в область религии и мероприятий, принимаемых духовным ведомством.

Провинциальные газеты, чтобы избежать цензурных придинок и репрессий, делая перепечатки из моих статей в «Праве» о монастырских заточениях, обыкновенно озаглавливали эти извлечения так: «Из нашего прошлого» или «Из дальнего прошлого» и т. д., хотя в этих перепечатках шла речь о фактах вполне современных, имевших место в самое последнее время, а именно в первые годы текущего десятилетия.

Зная все это, я был уверен в том, что очерк мой «Старообрядческие архиереи в Суздальской крепости», несмотря на всю его легальность и полную невинность в политическом отношении, не может появиться в литературном журнале, а потому и передал его в «Исторический Вестник». Но редакция этого журнала также не решилась печатать этот очерк, прежде чем духовная цензура рассмотрит его и разрешит к печатанию. Вследствие этого очерк был послан редакцией в духовную цензуру, с просьбой сообщить, не встретится ли с ее стороны препятствий к напечатанию этого очерка в одной из ближайших книжек «Исторического Вестника». Духовная цензура пощипала очерк, пустив в ход красный карандаш, но в конце концов все-таки сообразовалась разрешить печатание очерка в журнале.

В № 8-м «Исторического Вестника» за 1903 год очерк был напечатан, а затем издан отдельной брошюрой. Отпечатанная в ограниченном количестве экземпляров (1.500), брошюра эта разошлась в течение первых же двух-трех месяцев настолько, что по истечении этого срока я уже ни в одном магазине Петербурга не мог найти ни одного экземпляра.

Вслед затем обе названные статьи, в переработанном виде, вошли в мою книгу: «Старообрядчество во второй половине XIX века», вышедшую в начале 1904 года в издании товарищества И.Д. Сытина и Ко. Для настоящего издания статьи, вошедшие в этот очерк, вновь пересмотрены, дополнены и снабжены иллюстрациями.

³ Циркуляр саратовского губернатора г. Зубова по этому поводу напечатан в сентябрьской книжке журнала «Былое» за 1907 г. под названием «Характерный документ».

**Старообрядческие архиереи в Суздальской крепости.
Очерк из истории раскола по «секретным делам»
монастырского архива.**

Спасо-Евфиміевъ монастырь, съ юго-восточной стороны.

**I.
«Мнимодуховные лица» или арестанты
под №№ 1, 2 и 3.**

21-го октября 1854 года в Спасо-Евфимиев монастырь, находящийся в городе Суздале, Владимирской губернии, два жандарма привезли из Москвы секретного арестанта вместе с письмом московского военного генерал-губернатора, графа А.А. Закревского, на имя настоятеля монастыря, архимандрита Иоакима.

В письме этом граф Закревский писал: «Государь император Высочайше повелеть соизволил: взятых в турецких владениях и содержимых теперь в Москве мнимодуховных раскольнических лиц — лжеархиепископа Аркадия и лжеепископа Алимпия заключить в монастырь под строжайший надзор, с прекращением средств сообщаться с раскольниками и вообще с посторонними людьми, а г. обер-прокурор Святейшего Синода, генерал-адъютант граф Протасов, сообщил г. министру внутренних дел, что во исполнение Высочайшей воли Святейший Синод постановил заключить их в суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, впредь до возможности поместить их в разные монастыри; при чем вменено преосвященному владимирскому в обязанность, чтобы означенные люди, по доставлении их гражданским начальством, были приняты в арестантское отделение помянутого монастыря и помещены каждый в отдельную келлию под строжайший надзор епархиального и монастырского начальств, с прекращением им возможности иметь какие-либо сношения как между собою, так и с посторонними лицами.

Во исполнение таковой Высочайшей воли имею честь препроводить к вашему высокопреподобию, под конвоем двух жандармов, лжеархиепископа Аркадия, присовокупляя, что лжеепископ Алимпий будет отправлен вслед за сим чрез сутки.

При сем прилагаются принадлежащие означенным раскольническим лицам 65 полуимперялов, один рубль 95 копеек сереб. и червонцев: австрийских 50 и турецких 20, в

получении коих не оставьте меня, ваше высокопреподобие, уведомить с выдачею жандарму квитанции в исправном доставлении арестанта».

Кроме того, к письму графа Закревского был приложен «список вещей, принадлежащих помянутому Аркадию».

По заведенному в монастыре порядку, архимандрит тотчас же по прибытии арестанта приказывает составить подробную опись вещам и деньгам, которые окажутся при нем, затем все найденные деньги и большую часть вещей оставляет у себя, а арестанту выдает лишь необходимое количество белья и платья. Опись эту дают подписать владельцу-узнику, после чего он немедленно же отводится в арестантское отделение монастыря, или крепость, и там запирается в одиночную камеру, или «келлию». Жандармам, которые привезли арестанта, выдается архимандритом особая квитанция в исправном получении от них арестанта.

Судя по описи, имущество архиепископа Аркадия состояло из нескольких узлов и «кожаного коробка» с платьем, бельем и разными вещами. Полагаем, что здесь будет небезынтересно перечислить его гардероб и другого рода имущество, оказавшееся у него при заключении его в монастырь, так как все это до известной степени характеризует, конечно, его потребности, привычки, а отчасти даже и степень его интеллектуального развития.

В узлах архиепископа Аркадия оказались следующие вещи: шерстяное синее одеяло, полукафтаны черного сукна на овчинном меху, полукафтаны синего сукна на вате и китайчатой синей подкладке, старая, синяя китайчатая рубаша, кожаная подушка, две плисовые с бараньим околышем шапки на вате, черное холстинное полотенце, мешок синего холста, деревянная чашка с крышкою, бутылка синего стекла.

В кожаном коробке находились: черное шерстяное полукафтанье на бумажной подкладке, черная шерстяная пелеринка, такая же атласная, китайчатая синяя рубаша, китайчатые синие шаровары, два бумажных клетчатых носовых платка, холстинная ночная занавеска, хрустальная кружка, костяной гребень, складной образок, кожаные четки, две славянские книги, священническая камышевая трость и квитанция киевского комитета на имя архиепископа Аркадия в принятии от него 70 полуимпериалов.

В конце описи значилось: «сверх сего, отобрано от того неизвестного 12 золотых российских полуимпериалов, один червонец в 3 рубля сереб., 1 рубль 20 копеек сереб., карманные золотые часы без цепочки, четки, ремень, подушечка, шейный простой платок, два кошелька». Кроме того, был еще один узел, состоявший из мешка, «запечатанного двумя казенными печатями, с неизвестными вещами».

На другой день, рано утром, или, вернее говоря, в ночь на 22-е октября, привезен был в монастырь епископ Алимпей при письме графа Закревского от 20-го октября. «В дополнение к отношению от 19-го октября, — писал генерал-губернатор, — препровождаю при сем к вашему высокопреподобию под конвоем двух жандармов лжеепископа Алимпея, с принадлежащими ему поименованными в прилагаемой у сего описи вещами и деньгами». Далее он напоминал о порядке содержания в монастыре Алимпея и просил выдать жандарму, сопровождавшему *епископа*⁴, установленную квитанцию в исправном доставлении арестанта.

Разумеется, архимандрит не замедлил выдать требовавшуюся от него квитанцию, которую мы и воспроизводим здесь целиком, так как она не лишена известной характеристики:

«Квитанция.

«При секретном отношении его сиятельства г. московского военного генерал-губернатора, графа Закревского, от 20-го октября сего 1854 года за № 00, доставлен во вверенный управлению моему суздальский Спасо-Евфимиев монастырь к содержанию в крепостном арестантском отделении взятый в турецких владениях арестант, раскольник лжеепископ Алимпей, от сопровождавшего его московского жандармского дивизиона унтер-офицера Савостина в три часа утра 22-го октября сего года мною принят, в чем ему, унтер-офицеру

⁴ Здесь и далее слова *епископ* и другие, выделенные курсивом, вставлены редакцией «Родной Старины» взамен используемых автором (кроме цитат) оскорбительных слов *лжеепископ*, *раскольник* и проч. (Ред.)

Савостину, за подписом моим, с приложением монастырской казенной печати, и дана сия квитанция. 22-го октября 1854 г. № 213».

Независимо от этой квитанции архимандрит, немедленно по прибытии арестанта в монастырь, доносит об этом генерал-губернатору, приславшему арестанта, а также своему непосредственному начальнику, владимирскому епархиальному архиерею, и, наконец, сообщает об этом, конечно «секретно», начальнику суздальской инвалидной команды, с просьбою «повелеть военному караулу иметь за арестантом особый, строжайший надзор».

Чтобы познакомить читателей, в чем состояло имущество старообрядческого епископа Алимпия, которое он привез с собою в монастырь, мы приведем здесь «опись вещам, принадлежащим арестанту под № 2-м». Вот она: «Три образа в медных окладах, крест кипарисный, на шнурке, с ладонкой, лестовок кожаных 2, псалтырь, книга «Апология», картуз суконный, шапка плисовая, теплая, с черным курпачетым околышем, ермолка плисовая, черная, в роде пелеринок, шерстяных, черных, с медной у каждой пуговицей — 2, платков клетчатых холстинковых — 2, ситцевых — 2, полотенец холщевых — 2, рубах синих китайчатых — 2, порты холщевые — и, исподниц белых бумажных — 2, тулуп, крытый нанкой — и, кафтан суконный синий, на синей нанковой подкладке, с 5-ю медными пуговицами, кафтан суконный серый, халат синий китайчатый, очки в футляре, белый костяной гребень, наперсток, замок, набалдашник белый костяной от трости, ковер, подушка, ремень кожаный, кошель, плетеный из лык».

Под этой описью находится собственноручная расписка Алимпия такого содержания: «Означенные вещи все исполна получил епископ Алимпий». Расписка эта написана очень крупным почерком, обличающим непривычку писавшего владеть пером.

Вслед за Алимпием был привезен в монастырь третий секретный арестант, старообрядческий священник Федор Семенов.

Спустя два-три дня после того, как старообрядческие архиереи были привезены в монастырь, архимандрит Амвросий⁵ получил от епископа владимирского, Иустина, подробную инструкцию относительно содержания в монастыре «мнимодуховных лиц». «По Высочайшему повелению, — писал епископ, — указом Святейшего Синода предписано мне взятых в турецких владениях лжеархиепископа Аркадия, лжеепископа Алимпия и лжесвященника Феодора Семенова заключить в суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, почему на основании означенного указа предписываю вам:

1. По доставлении вам через гражданское правительство означенных лиц, заключить их при арестантском отделении в особые для каждого комнаты и о времени доставления их к вам и заключения донести мне.

2. Иметь за ними строжайший надзор, с прекращением им всякой возможности сношение между собою и с раскольниками и вообще с кем-либо из посторонних лиц, и с принятием со стороны вашей всех мер духовного вразумления к рассеянию их заблуждений и к склонению их к открытию всего им известного касательно заграничных лжекафедр и сношений с нашими раскольниками.

3. О последствиях вашего вразумления и надзора доносить мне по прошествии каждого месяца или ранее, как скоро представится в том надобность.

4. Имен их и мнимых званий никому не объявлять, а называть их и писать в бумагах просто арестантами под №№ 1, 2 и 3, по порядку, в каком они написаны в указе Святейшего Синода, именно: Аркадия — под № 1, Алимпия под № 2 и Семенова — под № 3».

При этой инструкции епископ Иустин счел нужным приложить копию с указа Святейшего Синода от 13 октября 1854 года, относительно заключения в суздальскую монастырскую тюрьму Аркадия, Алимпия и Семенова. В виду того, что указ этот имеет несомненный исторический интерес и значение, мы приводим его здесь почти без всяких изменений. Вверху указа стоят подчеркнутые слова: «особенно секретно».

«Святейший Правительствующий Синод слушали два предложения г. обер-прокурора, графа Николая Алексеевича Протасова, из коих, при первом, он предлагает список с отношения г. министра внутренних дел следующего содержания: «По Высочайшему его

⁵ В отношении графа Закревского архимандрит, вероятно по ошибке, назван Иоакимом.

императорского величества повелению доставлены в Москву взятые в турецких владениях мнимодуховные лица: лжеархиепископ Аркадий, лжеепископ Алимпий и лжесвященник Федор Семенов. При снятии допросов они показали о себе:

1) Аркадий, что он родом из села Куничного, Бессарабской области, в молодости ушел за границу, жил в разных раскольнических поселениях за Прутом и Дунаем; греческим митрополитом Амвросием в раскольническом Белокриницком монастыре рукоположен в епископа села Славы, что близ Бабигада.

2) Алимпий, родом калужский мещанин, долго проживал в бывшем раскольническом Лаврентьевом монастыре, Могилевской губернии, потом ушел за границу, в Молдавию, и, наконец, за Дунай, где епископ Аркадий посвятил его прежде во священника, а после, вместе с прибывшим из Буковины епископом Онуфрием, во епископа города Тульчи.

3) Федор Семенов — потомок перешедших в давнем времени в Молдавию раскольников, родился в селении Борщ, близ Браилова; в священника рукоположен Алимпием.

Ныне Государь Император Высочайше повелеть соизволил: снести с вашим сиятельством (с графом Протасовым) о заключении Аркадия, Алимпия и Федора Семенова в разные монастыри под строжайший надзор епархиального и монастырского начальства, с прекращением всяких средств к сношению их с раскольниками и с тем, чтобы преосвященные и начальники монастырей приняли все меры духовного вразумления к рассеянию их заблуждений и склоняли бы их к открытию всего им известного касательно заграничных лжекафедр и сношений с нашими раскольниками. Сообщая о сем вашему сиятельству, обращаюсь с покорнейшею просьбою почтить меня уведомлением, в какие монастыри должны быть доставлены во исполнение вышеизложенной Высочайшей воли означенные люди.

При втором же предложении препровождает он, г. обер-прокурор, секретную и конфиденциальную переписку его с господином министром внутренних дел, из которой видно, что г. министр, по изъясненным в оной причинам, не находит препятствия к помещению означенных лиц в суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, впредь до возможности поместить их в разные монастыри. Приказали: во исполнение вышеизложенного Высочайшего его императорского величества повеление и в соответствие отзыву, полученному ныне от г. министра внутренних дел, взятых в турецких владениях мнимодуховных раскольнических лиц: лжеархиепископа Аркадия, лжеепископа Алимпия и лжесвященника Федора Семенова, заключить впредь до усмотрения в суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, поручив вашему преосвященству (то есть владимирскому архиерею) сделать непосредственно от себя зависящее распоряжение, чтобы лица сии, по доставлении их гражданским начальством, были приняты в арестантское отделение упомянутого монастыря и помещены каждый в отдельную келью под строжайший надзор»... Далее излагались условие содержания арестантов в тюрьме, о воспрещении им всяких сношений как между собою, так и с посторонними лицами и проч.

II.

Архиепископ Аркадий и епископ Алимпий.

Читал и перечитывал архимандрит отношение графа Закревского, при котором был прислан в монастырь *архиепископ* Аркадий, но того, что его особенно сильно интересовало, он не находил. В «отношении» ничего не было сказано: как и на какие средства содержать «лжеархиепископа», чем его продовольствовать. Архимандрит входит с представлением по этому поводу к владимирскому губернатору, при чем сообщает о полученном им отношении графа Закревского, о присылке и заключении в крепость арестанта *архиепископа* Аркадия, «но, — продолжает о. архимандрит, — на каком коште оного лжеархиепископа Аркадия содержать, в отношении его сиятельства ничего не упомянуто». В виду этого, «донося о сем», он просит губернатора войти в сношение с кем следует об ассигновании средств на содержание в монастырской тюрьме Аркадия. С тем же самым ходатайством обратился он и к владимирскому преосвященному, который, в свою очередь, отнесся по этому поводу в Синод.

Святейший Синод немедленно сделал сношение с министром внутренних дел относительно отпуска денег на содержание в монастырской тюрьме «мнимодуховных лиц» Аркадия, Алимпия и Семенова по 44 рубля 50 коп. в год на каждого. Чем собственно, каким расчетом руководствовался Святейший Синод при определении размера содержания лиц старообрядческой иерархии, заключенных в монастыре, нам, к сожалению, не известно. Во всяком случае нельзя не признать назначенной на содержание епископов суммы слишком недостаточной.

Необходимо, впрочем, заметить, что потребности и привычки «мнимодуховных лиц», сидевших в суздальской тюрьме, были более чем скромные. В этом можно было убедиться уже из описей их имущества, которые мы приводили выше. Еще больше убеждают в этом те расходные тетради, в которые записывались все деньги, выдававшиеся им на их нужды. Вот, например, расходная тетрадь архиепископа Аркадия. Она начинается с декабря месяца 1854 года. За этот месяц произведен был только один расход: «куплены в медной оправе очки для архиепископа Аркадия, заплачено 30 коп. серебром».

В течение следующего 1855 года Аркадием произведены следующие траты: куплено 2 аршина пестряди, шнурков, бронзовых пуговиц, ниток, иголок, льну, чайник, меду — всего на 1 рубль 40 коп. Затем было куплено: самовар, один пуд пшеничной второго сорта муки, наперсток, 10 фунтов меду, стеклянная банка и 18 аршин пестряди, всего на сумму 9 рублей. В течение 1856 года Аркадию от времени до времени выдается «на собственные его потребности» по 1 и по 2 руб., редко по 3 и по 4 рубля. То же самое видим мы и в последующие годы.

Расходная тетрадь епископа Алимпия носит тот же самый характер, указывая на спартанские привычки и наклонности старообрядческого иерарха. Производимые им расходы обыкновенно не превышают рубля, двух, трех, очень редко встречаются расходы в 6 и 8 рублей, и только один раз за все время его заключение расход достиг 10 руб.

При тех скромных потребностях и невзыскательных привычках, какими, несомненно, отличались заключенные епископы, можно думать, что, сидя в монастырской тюрьме, они не испытывали особенных лишений по части питания и продовольствия, тем более, что недостатки арестантского стола они могли пополнять, расходуя на это имевшиеся при них деньги. Но совершенно иначе обстояло дело по части помещения. И хотя в архивных делах, послуживших нам материалом для настоящего очерка, нет описаний тех «келлий», или казематов, в которые были помещены узники, тем не менее в наших руках имеется много данных, указывающих на то, что сидевшие в них узники сильно страдали и от холода и от сырости. Но, как большинство простых русских людей, они страдали молча, не протестуя и даже не высказывая своего недовольства.

Однообразно и печально потекли в монастырской тюрьме дни, недели, месяцы и годы заключенных. Особенно удручающим образом действовало на узников то полное одиночество, на которое они были обречены и которое применялось к ним с необыкновенною строгостью, особенно в первые годы заточения. Кроме монастырского служителя, состоявшего при «арестантском отделении» и обязанного подавать заключенным пищу и выносить из их казематов «парашу», они не видели человеческого лица, не слышали человеческого голоса.

Единственным развлечением для них являлись посещение отца настоятеля, который на первых порах частенько приходил к ним, надеясь убедить их оставить свои «зablуждения», покаяться в них и в то же время рассчитывая выведать от них все, что касалось их прежней жизни и деятельности, а также, что было известно им относительно организации старообрядчества вообще и в частности раскольнической иерархии.

О. настоятель действовал в этом случае, конечно, на основании данной ему инструкции, в которой, как мы видели, предписывалось ему «принять со своей стороны все меры духовного вразумления к рассеянию заблуждений» заключенных, а также «к склонению их к открытию всего им известного касательно заграничных лжекафедр и сношений с нашими раскольниками».

«Мнимодуховные лица», по-видимому, не находили нужным скрывать все то, что касалось собственно их лично. На расспросы о. архимандрита они дали более или менее

подробные показание относительно своей прошлой жизни и деятельности. Привожу здесь эти показание почти в том самом виде, как они записаны настоятелем монастыря. Начинаю с «показаний арестанта под № 1-м», то есть архиепископа Аркадия.

Уроженец из простых поселян селения Куничи, Белицкого уезда (или Сороки, Кишиневской губ.). Ныне ему 45 лет. Прежде именовался Андреем. На пятнадцатом году от рождения оставил он свое село и перешел в г. Яссы, где около 2,5 лет жил в качестве прислуги у яских купцов Ивана Ант—рова и Михаила Антонова. Отсюда отправился в скит Мануиловку, в Молдавию, где находился послушником в течение двух лет, а затем опять возвратился в Яссы. Пробыв здесь два месяца, он взял себе русский паспорт, с которым и прибыл в старообрядческий Лаврентьевский монастырь Могилевской губернии. Во время пребывания его в этом монастыре в 1829 году, он был пострижен в монашество. В следующем же 1830 году, будучи монахом, опять возвратился в Мануиловский скит, в котором пробыл четыре года, а затем перешел в турецкие владения, в Славский скит, что близ Бабидага. Из этого скита он предпринял путешествие в Царьград, в котором пробыл месяц, а затем отправился далее, к некрасовцам, в селение и скит Майнос, где пробывши две недели, возвратился обратно в Царьград, а из него немедленно пошел в Азиатскую Турцию. Дойдя до реки Захарна и до лимана оной, на котором лежит остров, имеющий Некрасовский раскольнический скит, именуемый Белый Камень, он прожил тут более полугода. «Из оного же скита вступил в Анатолию, в некрасовское гнездо расколов, в селение Мельча, отстоящее от г. Терме в 5 верстах», где пробыл около года, а затем возвратился в Славский скит.

Проживши в этом скиту два года, Аркадий «вторичное возымел странствование в Царьград, селение Майнос, через города Силистрию и Туртукай, в скит Каменный Мост, отстоящий от города Туртукая в 5 верстах». Проживши в этом скиту около двух лет, он снова возвратился в Славский скит «на всегданнее жительство». Спустя несколько лет после этого, в 1847 году он отправился в Белокрыницкий скит, в Австрию, где *греческим митрополитом* Амвросием был поставлен в *иеромонаха*, а затем чрез 8 дней и в *епископа* села Славы.

По прошествии двух лет, в 1849 году, в городе Тульче Аркадий был произведен в сан архиепископа двумя старообрядческими епископами Онуфрием и Алимпием.

Вот тот краткий «формуляр», который можно составить, основываясь на показаниях *архиепископа* Аркадия, данных им отцу архимандриту. Вообще, знакомясь с этими показаниями, нельзя не заметить, что, насколько охотно и откровенно рассказывал он о себе, главным образом о своих путешествиях и кочевках, настолько же был сдержан в тех показаниях, которые касались других лиц, особенно же из числа живущих в России. Если он и рассказывал кое-что о. архимандриту о своих посвящениях в попы и монахи разных лиц, то обыкновенно эти рассказы носили такой общий, неопределенный характер, что едва ли из них мог чем-нибудь воспользоваться даже самый опытный сыщик.

Все старание о. архимандрита узнать от Аркадия фамилии лиц, которые поддерживают старообрядчество своими пожертвованиями, — не привели ни к чему. «При всеусиленном моем убеждении, — пишет настоятель монастыря архиерею, — об открытии им мне пожертвователей или ходатаев к пожертвованиям и сношений между таковыми лицами, живущими в России, он, № 1-й, упорно отвечивал одним словом: «не знаю», при чем относил все эти пожертвование к ходатайству умершего в Славском скиту московского купца Волкова, о смерти коего он жене покойного послал письмо в Москву».

Относительно своей собственной деятельности архиепископ Аркадий, на вопрос архимандрита, высказал, что он, Аркадий, «может произвести для заграничных лжекафедр столько епископов, сколько ему заблагорассудится».

Тот же самый характер носят показания арестанта № 2-й, то есть епископа Алимпия, который также охотно сообщил сведения, касавшиеся лично его, и совершенно уклонился от показаний относительно других лиц, причастных его деятельности по расколу. По его словам, он происходит из мещан г. Калуги, от роду имеет 60 лет; прежде в миру назывался Антонием. В 1814 году поступил в старообрядческий Лаврентьевский монастырь, находящийся в Белицком уезде, Могилевской губернии, где и был пострижен в монашество в 1817 году. Проживши в этом монастыре в качестве монаха до 1840 года, Алимпий перешел затем в турецкие владения и поселился в Славском скиту, в котором пробыл три года, после чего был

поставлен номером первым (то есть Аркадием) во *иеромонаха*. По прошествии еще трех лет Алимпий был рукоположен 26 сентября 1847 года тем же номером первым во *епископа* для г. Тульчи.

Что касается показаний «арестанта № 3-й» т. е. *священника* Федора Семенова, то они не представляют интереса, а потому мы и не приводим их здесь.

По прошествии месяца со дня заключения в монастырь «мнимодуховных лиц», архимандрит, исполняя требование инструкции, спешит донести епархиальному начальству о результатах как «духовного вразумления», так и своих расспросов относительно сведений, касающихся положения дел в старообрядчестве. «Присланные в арестантское отделение секретные арестанты под №№ 1, 2 и 3 — пишет о. архимандрит, — были убеждаемы мною всеми мерами к рассеянию их заблуждений и к склонению их открыть все им известное относительно заграничных лжекафедр и сношений с нашими раскольниками, но совершенного успеха на все делаемые мною им надлежащие вопросы не получил, кроме сих ответов, которые при сем вашему преосвященству на архипастырское благорассмотрение покорнейше честь имею представить». Ответы эти состояли из тех именно показаний, которые мы только что привели.

Из трех узников только один «арестант под № 3», т. е. *священник* Федор Семенов, на убеждение о. архимандрита «оставить прежние свои заблуждения и обратиться к православной церкви» изъявил согласие на это и «выразил желание ходить в церковь, но он, архимандрит, без разрешения его преосвященства, не осмеливается дозволить ему ходить в церковь». Разумеется, разрешение последовало, и Семенов вскоре получил право посещать тюремную церковь.

В своих дальнейших донесениях о настроении заключенных о. архимандрит сообщил, что Семенов «вразумление о правоте нашей святой церкви выслушивает и в церковь к божественным службам усердно ходит». После шести-семи лет заключения Семенов совсем отрекся от своих «заблуждений», которые привели его в монастырскую тюрьму, и, наконец, был присоединен к «*православию*».

Однако, и после этого он оставался некоторое время в тюрьме «на испытании», так как начальство, очевидно, не доверяло искренности его раскаяния.

Совершенно иначе держались Аркадий и Алимпий: тяжелые условия многолетнего заключения, казалось, нимало не влияли на их волю, — они оставались непоколебимо верными тем религиозным взглядам и убеждениям, за которые им пришлось так жестоко поплатиться, — хотя монастырское заточение не могло, разумеется, не отразиться на состоянии их здоровья. Особенно тяжело отразилось это заточение на шестидесятилетнем старике Алимпии: он начал хворать, хиреть, здоровье его с каждым годом становилось все слабее и слабее и, наконец, 25-го августа 1859 года он «по продолжительной болезни волею Божию помер». Таким образом, ему пришлось провести в одиночном заключении около пяти лет. Однако, несмотря на суровость заточения, несмотря на болезнь и физические страдания, он умер, не только не раскаявшись в своих «заблуждениях», но, наоборот, как нельзя более убежденный в полной справедливости и святости старообрядчества.

Умерших арестантов большею частью хоронят в монастырском саду, в той его части, которая непосредственно прилегает к крепостной стене. Но на этот раз почему-то монастырское начальство нашло нужным схоронить *епископа* Алимпия вне монастыря. Отец архимандрит обратился в суздальскую «градскую полицию» с таким отношением: «Содержащийся в крепостном арестантском отделении вверенного мне монастыря под надзором арестант, раскольник поповщинской секты, мнимодуховное лицо под № 2-м, Алимпий, бывши две недели болен, 25 августа, в 9 часу утра, волею Божию помер. О чем, суздальской градской полиции объявляя, покорнейше прошу оную для указания места на вырытие могилы и для нахождения при погребении умершего Алимпия командировать с своей стороны чиновника».

Полиция указала место для погребения Алимпия близ городского кладбища, а для присутствия при его похоронах назначила квартального надзирателя Розанова. Тотчас же после похорон о. архимандрит пишет донесение владимирскому губернатору и «рапорт» преосвященному о смерти секретного арестанта № 2-й и о «погребении его в присутствии

квартирного надзирателя Розанова. Вместе с этим доносится архиерею, что оставшиеся у Алимпия деньги 47 руб. 20 коп. и одиннадцать турецких червонцев до разрешения вашего преосвященства хранятся в монастырской ризнице».

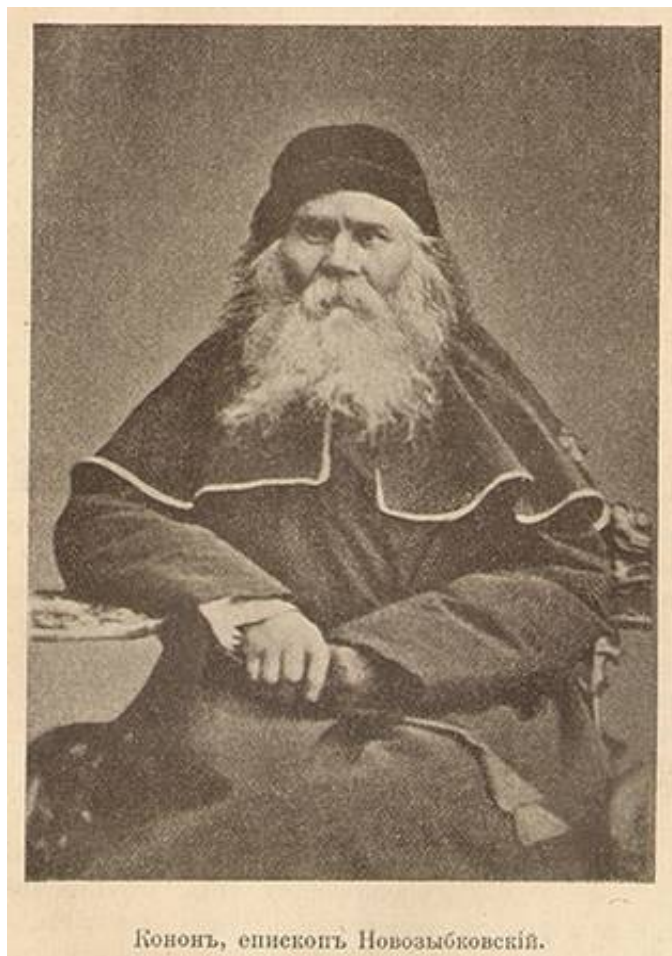
В то же время о смерти Алимпия сообщается в суздальское уездное казначейство, с возвращением денег, оставшихся неизрасходованными на его содержание. Вскоре после этого от архиерея Иустина получается приказание — передать деньги и червонцы, оставшиеся после смерти Алимпия, «в суздальскую градскую полицию с тем, чтобы она касательно оных сделала со своей стороны законное распоряжение, и по передаче донести мне». Приказание это было, разумеется, исполнено, деньги и червонцы Алимпия переданы в полицию, от которой вскоре и последовало уведомление о том, что деньги и червонцы получены и записаны на приход⁶.

Смерть Алимпия не могла, разумеется, не отозваться болезненно в сердце его сотоварища по несчастью, Аркадия, тем не менее, однако, он по-прежнему остается твердым и «непреклонным». В 1861 году о. архимандрит доносил архиерею, что содержащийся в крепостном отделении монастыря арестант № 1-й, *архиепископ* Аркадий, «был им вразумляем к оставлению своих раскольнических заблуждений, но по выслушании увещаний, как и прежде, остался непреклонным и объявил, что величайшим грехом считает переменить обряды содержимой им веры и оставить принятый им сан». Что же касается открытия и сообщения сведений «касательно заграничных лжекафедр и сношений с русскими раскольниками, то как Аркадий, так и Семенов, сверх прежде данных ими ответов, и ныне ничего не показали».

Подобные донесения повторялись о. архимандритом ежемесячно, почти из слова в слова одно и то же в течение целых десяти лет. Наконец, в 1864 году Святейший Синод сделал распоряжение о том, чтобы об успехе увещаний *епископа* Аркадия архиерей доносил «по истечении года».

⁶ При посещении нами Суздаля летом 1902 года нам удалось разыскать могилу Алимпия; она находится на Златоустовском городском кладбище, в левом дальнем углу от входа, около самого рва, которым окопано кладбище. По словам старожилов, в этом месте в былое время хоронили умерших от холеры. На могиле — каменная высокая плита с надписью: «Под сим камнем погребено тело инока Алимпия, скончавшегося 25 августа 1860 года», По сторонам плиты также были сделаны надписи, но теперь из них можно разобрать только одну: «Егда мертвии услышат глас Сына Божия и, услышавши, оживут»; остальные же почти совсем стерлись от времени. Число и месяц смерти Алимпия на плите обозначены верно, но в годе вкралась ошибка: он умер не в 60-м, а в 59-м году. Что же касается того, что покойный назван здесь иноком, а не епископом, то, без сомнения, это следует объяснить соображениями цензурного характера.

III. Епископ Конон.

Кононъ, епископъ Новозыбковскій.

Прошло около четырех лет с тех пор, как были «пойманы» в турецких владениях и заключены в монастырь «мнимодуховные лица»: архиепископ Аркадий, епископ Алимпий и священник Федор Семенов. За этот небольшой, сравнительно, срок произошли на Руси большие и важные события, оказавшие огромное влияние на весь ход внутренней жизни России, на настроение русского общества и народа. Среди Крымского погрома, со сцены сошел император Николай Павлович, унося с собою строгий режим, убежденным сторонником которого он всегда являлся. От молодого, только что воцарившегося императора Александра II все ожидали совершенно иной политики, построенной на других началах и принципах и прежде всего на доверии к народу и культурному классу общества. Ожидались серьезные реформы, которые вскоре должны были последовать, и которые имели целью обновить государственный механизм.

Последовавшие вскоре реформы не коснулись целой области народно-общественной жизни — области веры и религиозных убеждений русских людей. Благодаря этому, те крайне тяжелые общественные условия, среди которых приходилось жить многим миллионам наших старообрядцев и сектантов, очень мало изменились к лучшему, так как по-прежнему им постоянно приходилось испытывать разного рода стеснения и преследования. И хотя эти преследования не носили уже того ожесточенного и систематического характера, каким они отличались в 30-х и 40-х годах, но, тем не менее, и теперь продолжали практиковаться такие меры, как «ловля» старообрядческих епископов, священников и наставников, их аресты и заточение в монастыри и т. п.

Так, в самом конце 1858 года вдруг прошел слух, что «пойман» еще один старообрядческий епископ, Конон, на этот раз уже не в турецких владениях, а в одной из русских губерний: в Сквирском уезде, Киевской губернии. Разумеется, тотчас же началось дело, началась секретная и конфиденциальная переписка.

Результатом этого дела, этой переписки явился Высочайший указ: государь император Александр II в 20 день января 1859 года повелеть изволил: «отослать Конона в один из православных монастырей, по назначению Святейшего Синода, с тем, чтобы ему там были делаемы *кроткие* увещания об оставлении его заблуждений и присоединении к святой церкви».

Таким образом, гуманизм нового царствования в данном случае сказался лишь в том, чтобы те увещания, которые делаются сидящим в монастырских тюрьмах, были непременно «кроткие». В прежнее же время настоятелям монастырей, в которые посылались старообрядцы и сектанты, обыкновенно предписывалось производить «увещания», но, как, каким образом — ничего не говорилось. Но приведенной оговоркой и ограничивается дань вновь наступившей либеральной эпохе, все же остальные условия монастырского заточения остаются прежние, без всяких изменений и послаблений.

Святейший Синод решил отправить епископа Конона в суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь «под особенный надзор епархиального и монастырского начальства». Владимирский епископ Иустин, получив указ Святейшего Синода по этому поводу, положил на нем такую резолюцию: «поместить в отдельной комнате при арестантском отделении».

7 апреля 1859 года, в 7 часов утра, жандармы привезли Конона в Спасо-Евфимиевский монастырь. Сдав арестанта архимандриту Амвросию, они получили от него такую квитанцию: «Доставленный во вверенный управлению моему суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, к содержанию в крепостном арестантском отделении, пойманный в Сквирском уезде, Киевской губернии, раскольнический лжеепископ Конон от сопровождавших его владимирской жандармской команды унтер-офицера Черненко и рядового Чеснокова, в означенном монастыре сего 1859 года, апреля 7-го дня в 7 часов утра, мною благополучно принят, в чем им, жандармским унтер-офицеру Черненко и рядовому Чеснокову, за подписом моим, с приложением монастырской казенной печати сия квитанция и дана».

На другой день, 8 апреля, архимандрит Амвросий пишет «секретно» начальнику суздальской инвалидной команды майору Иголкину: «Честь имею уведомить ваше высокоблагородие, что вновь присланный во вверенное моему управлению крепостное арестантское отделение при секретном отношении г. начальника Владимирской губернии, от 6 февраля, за № 93 по Высочайшему повелению, арестант Конон под строжайший надзор, каковой мною принят и помещен в отдельной камере при арестантском отделении, почему благоволите повелеть военному караулу иметь за ним особый строжайший надзор».

При Кононе «оказались» деньги 186 руб. Деньги эти, по заведенному порядку, были отобраны от него и взяты на хранение архимандритом Амвросием, который затем, по мере надобности, выдавал Конону маленькими частями: по 6, по 10 рублей. На содержание Конона в монастырской тюрьме казной было назначено по 46 руб. в год.

Так как в секретном указе владимирской духовной консистории по делу о заключении в монастырь Конона было предписано архимандриту «о лжеепископе Кононе рапортовать пополугодно», то поэтому, по прошествии шести месяцев со дня заточения старообрядческого архиерея, настоятель монастыря спешит донести владимирскому архиерею о поведении Конона и о результате «делаемых ему кротких увещаний». В октябре 1859 г. архимандрит писал: «Находящийся под строгим надзором в крепостном арестантском отделении вверенного управлению моему суздальского Спасо-Евфимиева монастыря раскольнический лжеепископ Конон в течение истекшего полугода с 7-го апреля по 7-е октября делаемым ему мною при посещениях кротким увещаниям об оставлении раскольнических заблуждений не внимал и к присоединению церкви совершенно отказывался; свой лжеепископский сан, принятый им за границей, считает законным и даже выражается с сожалением, что не уехал за границу». Тем не менее, по свидетельству архимандрита, Конон «вел себя в течение полугодичного сего времени смиренно».

До чего соблюдалась тайна, которою облечено было содержание в монастыре старообрядческих епископов, показывает, между прочим, следующий случай. В 1873 г. войсковой штаб войска Донского обратился через суздальское полицейское управление к настоятелю Спасо-Евфимиева монастыря с просьбою сообщить: «Не содержится ли в крепости при вверенном ему монастыре казак Козьма Смирнов и если содержится, то за что и

когда заключен, и не имеется ли решение о его ссылке и заключении, с какого решения, если таковое есть, прислать копию».

Архимандрит Досифей отлично знал, что «казак Козьма Смирнов» не кто иной, как содержащийся у него в крепости арестант под № 1-м; но он не забыл, разумеется, строжайших инструкций и предписаний о той тайне, которая должна облекать все, что только касается арестантов, значащихся под №№ 1, 2 и 3. И вот, очевидно, с совершенно покойной душой, он пишет в суздальское полицейское управление, что «в арестантском отделении вверенного ему монастыря казака Козьмы Смирнова нет». При этом он считает нужным прибавить, что «если бы и находилось в означенном крепостном отделении прописанное лицо, то и в сем случае он тогда только мог бы выдать копию с начальнического распоряжения, когда получил бы на это предписание от своего епархиального начальства».

Об этом случае архимандрит Досифей считает долгом донести владимирскому архиерею. Изложив подробно обращенный к нему запрос войскового штаба, относительно казака Козьмы Смирнова, и свой ответ на этот запрос, он тут же прибавляет: «Но между тем, почитаю нужным доложить вашему высокопреосвященству, что казак Козьма Смирнов, как мне положительно известно, есть тот самый раскольничий лжеепископ Конон, который в настоящее время в арестантском отделении содержится».

Долго пришлось ждать о. Досифею ответа на это донесение. Отсюда можно думать, что владимирский преосвященный, прежде чем ответить настоятелю монастыря по этому поводу, счел нужным снестись с высшим начальством. Только 9-го марта 1876 г. владимирская духовная консистория отправила Досифею указ, в котором предписывала ему «взять объяснение от лжеепископа Конона: действительно ли он был казак Козьма Смирнов до принятия монашества».

В отобранном от него объяснении Конон подтвердил, что «до принятия им монашества и епископского сана он, действительно, был казак Козьма Смирнов и принадлежал к Есауловской станице войска Донского. Монашеское же звание он принял, по обещанию, в Белой Кринице, Австрийской империи, как помнится, в 50-х годах, но в каком именно году — не упомнит, а также и во епископа посвящен там же, но года также не упомнит». После этого владимирская духовная консистория уведомила архимандрита Досифея, что «требование войскового штаба войска Донского относительно казака Козьмы Смирнова епархиальным начальством ему, архимандриту, разрешено исполнить».

Таким образом, о. настоятелю предстояла печальная необходимость сознаться, что первое его сообщение в войсковой штаб было, выражаясь мягко, не верно.

Но как ни строго, казалось, было обставлено содержание в суздальской монастырской тюрьме старообрядческих епископов, тем не менее от времени до времени возникали разные инциденты, которые вызывали тревогу среди представителей высшей власти и заставляли их требовать и настаивать на усилении надзора за арестантами, числившимися под номерами: 1, 2 и 3-м.

Так, в 1872 году министр внутренних дел генерал-адъютант Тимашев уведомил обер-прокурора Святейшего Синода, что «в виду происков коноводов раскола к удержанию содержащегося в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре лжеепископа Конона в расколе, к которому он (будто бы) начинает охладевать, необходимо, по мнению его, Тимашева, усилить надзор за означенным арестантом». В свою очередь, обер-прокурор, вполне соглашаясь с мнением по этому поводу г. министра внутренних дел, немедленно же обратился к владимирскому епископу с просьбою сделать «зависящие со стороны его преосвященства на сей предмет распоряжения». Конечно, владимирской духовной консисторией тотчас же посылается строжайший указ на имя настоятеля Спасо-Евфимиева монастыря об усилении надзора за *епископом* Кононом.

Эта тревога, как можно видеть из указа Святейшего Синода от 26-го мая того же 1872 года за № 1024, возникла вследствие того, что в Спасо-Евфимиевом монастыре было перехвачено от какой-то неизвестной женщины свидетельство за № 147 за подписом *епископа* Иова; в этом свидетельстве заключалось воззвание к *епископу* Конону, — воззвание, которое имело целью побудить его оставаться верным старообрядчеству.

Обстоятельство это и дало повод начальству полагать, что епископ Конон поколебался в своих взглядах на старообрядчество. Однако предположение это не находит себе решительно никаких подтверждений. Наоборот, есть полное основание думать, что ни «кроткие увещания» настоятеля, ни долгие годы монастырского заточения нимало не поколебали убеждений Конона. Лучшим доказательством этого являются те донесения и аттестации, которые делал о нем и об его поведении о. архимандрит.

Так, например, в 1861 году архимандрит Досифей писал владимирскому преосвященному: «Находящийся под строгим надзором в крепостном арестантском отделении вверенного управлению моему Спасо-Евфимиева монастыря раскольнический лжеепископ Конон в течение истекшего полугодия с 7-го апреля по 7-е октября делаемым ему, как предшественником моим, так и мною при посещениях кротким увещаниям об оставлении раскольнических заблуждений не внимал и от присоединения к православной Церкви совершенно отказывался, считая законными как свои заблуждения, так и лжеепископский сан». Но при этом архимандрит спешит прибавить, что за отчетное время Конон «вел себя кротко».

За 1862 год черновик или, как говорят в канцеляриях, «отпуск» аттестации был написан точно так же, как и предыдущий, но затем в нем сделаны были следующие изменения: вместо слов «не внимал» — поставлено «несколько внимал». Затем из фразы: от присоединения к православной Церкви совершенно отказывался», слово «совершенно» зачеркнуто. А в самом конце добавлено: «усердно занимался чтением православных книг».

Подобные аттестации с самыми незначительными вариациями отправлялись о. архимандритом правильным образом два раза в год. Так, за 1865 год, вместо слов «не внимал кротким увещаниям» поставлено: «мало внимал» и т. д. В конце донесения стоит: «усердно занимался чтением православных книг и направленных противу раскольнических заблуждений». При этом следует, однако, иметь в виду, что «усердное чтение православных книг» тем или другим из монастырских арестантов отнюдь еще нельзя рассматривать, как признак, указывающий на возможность близкого перехода этого лица в православие. Монотонное, удручающе-томительное однообразие, на которое обречены монастырские узники, заставляет их, конечно, интересоваться всякой книгой, которая только проникает в их одинокую тюрьму. А ведь никаких других, кроме «чисто православных» и «противораскольнических», в монастырскую тюрьму не попадает.

Бывали случаи, когда сектанты, сидевшие в суздальской тюрьме, набрасывались на книги, которые им предлагал о. архимандрит, но затем, ознакомившись с содержанием этих книг, они обыкновенно довольно быстро охладевали к ним. Так было, между прочим, и со старообрядческими епископами. Относительно Аркадия, например, настоятель монастыря в 1865 году доносил владимирскому преосвященному: «нрава он кроткого, но ныне стал гнушаться чтением наших церковных и нравоучительных книг».

IV. Епископ Геннадий.

В июле месяце 1863 года число старообрядческих архиереев, сидевших в суздальской тюрьме, увеличилось еще одним. 2-го июля этого года был привезен в монастырь «для увещания» пермский старообрядческий епископ Геннадий. О причинах и обстоятельствах, вызвавших эту ссылку, нам удалось извлечь довольно подробные сведения из некоторых архивов Пермского края. Этими сведениями мы и поделимся здесь с своими читателями.

В ноябре месяце 1861 года епископ уфимский уведомил оренбургского военного губернатора, что через Златоустовский и Миасский заводы тайно проезжал «раскольнический епископ Геннадий» и совершал богослужение в ските, находящемся в лесах, на восточной стороне Уральского хребта, между деревнями Тургоянской и Куштумгинской. В этом ските, как дознало духовное начальство, Геннадий освящал старообрядческую походную церковь и посвящал во священники живописца крестьянина Ксенофонта Вяхирева, проживавшего в Катав-Ивановском заводе.

В виду этого уфимский епископ настоятельно просил губернатора немедленно же принять все зависящие от него меры к поимке Геннадия. При этом он сообщал, что *епископ* Геннадий «не имеет постоянного пребывания ни в Миасском ни в других Златоустовских заводах, но что он большею частью находится в Екатеринбурге и Тюмени и в разъездах по Оренбургской, Пермской и Тобольской губерниям, заведую, по назначению своих сообщников, тайною раскольническою сибирскою епархией».

Такое же точно «сообщение» отправлено было уфимским епископом и главному начальнику горных заводов Уральского хребта генералу Фелькнеру.

И вот закипело дело. Нужно заметить, что местные власти на Урале давно уже знали о существовании *епископа* Геннадия, давно уже до них доходили смутные, неясные слухи, что по заводам и селам уральским тайно разъезжает *старообрядческий* епископ, который ставит попов и монахов, исполняет требы, освящает церкви, совершает богослужение и т. д. Давно уже отдан был приказ о поимке Геннадия, давно уже полиция старалась напасть на следы *епископа*, но до сих пор он необыкновенно ловко и искусно увертывался от рук властей.

Поэтому, как только оренбургский губернатор получил сообщение уфимского епископа о появлении Геннадия в Златоустовских заводах, он тотчас же поспешил снести об этом с пермским и тобольским губернаторами, а те, в свою очередь, немедленно снесли с главным начальником горных заводов.

В то же время ко всем исправникам полетели «секретные» предписания о поимке *старообрядческого* епископа, а от исправников такие же точно предписание «с нарочными» понеслись к станovým приставам. И вот снова повсюду начались рьяные, энергические поиски «лжеепископа».

Исправники вели особые «памятные записки» или дневники, в которые они заносили все свои наблюдения за действиями Геннадия. Они обязаны были строго следить за теми из местных старообрядцев, у которых происходили частые собрания, богомоление и т. п. В то время не существовало еще урядников, поэтому в селах и деревнях поимка Геннадия была возложена исправниками на «особо-избранных людей», главным образом, на волостных и сельских писарей, которые обязаны были зорко следить за всеми приезжими и вновь появляющимися лицами.

Однако время шло, а Геннадий не попадался. Исправники аккуратно доносили, что, «несмотря на всевозможные меры, принятые ими к поимке раскольнического лжеепископа Геннадия, такового во вверенном им уезде не оказалось». Так прошло полгода, прежде чем полиции снова удалось напасть на следы *епископа*.

В конце мая 1862 г. через село Белоярское (Екатеринбургского уезда) проезжал какой-то неизвестный человек. Так как он проезжал «на сдаточных лошадях в подрыв вольной почте», то станционный смотритель Белоярской станции, Пилецкий, остановил его и потребовал от него вид, по которому тот проезжал. У «неизвестного человека не оказалось ни вида ни паспорта. Это возбудило подозрение в Пилецком; он наотрез отказал незнакомцу в лошадях и грозил донести о нем начальству.

Положение проезжего незнакомца было весьма критическое, тем не менее он нимало не потерялся. Неизвестно каким образом, о происшествии на станции узнает один из местных *старообрядцев*, крестьянин Белоярской волости Тимофей Чуваков и немедленно является к Пилецкому. И вот, благодаря «содействию Чувакова», смотритель Пилецкий соглашается отпустить таинственного незнакомца, за что и получает тридцать рублей денег. А незнакомец получает лошадей и едет далее, но уже не один, а в сопровождении «раскольника» Чувакова.

Об этом узнает волостной писарь Белоярской волости Федотовский, принадлежавший к числу тех «особо-избранных» людей, на обязанности которых лежало способствовать поимке Геннадия. Услыхав о происшествии на станции и сообразив, что «тут дело не ладно», Федотовский немедленно же отправился в погоню за «неизвестным человеком».

Однако все его поиски не привели ни к чему: таинственный путешественник исчез бесследно, словно в воду канул. «Вероятно, Чуваков, — догадывался впоследствии писарь, — заметив за собою преследование и пользуясь темнотою ночи, успел скрыть неизвестного человека». При всем этом писарь был совершенно убежден, что скрывшийся неизвестный человек был не кто другой, как именно *старообрядческий* епископ Геннадий.

Это же самое убеждение разделял и екатеринбургский земский исправник, который 29-го мая получил подробное донесение по этому поводу от местного станového пристава. «Надобно полагать, что это был Геннадий», — пишет исправник в рапорте своему губернатору. И вот он поручает станovém приставу «произвести строжайшее формальное следствие над станционным смотрителем Пилецким и государственным крестьянином Чуваковым, при участии депутатов, как со стороны почтового ведомства, так и управления государственными имуществами».

При следствии, смотритель Пилецкий и раскольник Чуваков «силились доказать», что проезжий был кунгурский мещанин Федор Григорьев, фамилии которого они не знают. Но эти уверение никого не убедили, и исправник по-прежнему остался при мнении, что скрывшийся незнакомец «непременно должен быть лжеепископ Геннадий». Он сожалел, что поздно узнал о проезде подозрительной личности и потому не мог принять личного участия в преследовании.

В рапорте своем губернатору исправник, сообщая, что Геннадий часто ездит по вольной почте, жалуется на станционных смотрителей, которые свободно дают лошадей всякому проезжему; по его словам, это дает полную возможность разным подозрительным личностям ускользать от преследований полиции. Он просит губернатора снести с губернской почтовой конторой и при ее содействии обязать всех станционных смотрителей — в случае проезда Геннадия, немедленно задержать его. Но распоряжение это, заботливо прибавляет исправник, станционные смотрителя должны держать в строжайшем секрете.

Убежденный этими доводами, губернатор сносится с губернской почтовой конторой, которая и обязывает станционных смотрителей следить за появлением подозрительных лиц и, в случае проезда «лжеепископа Геннадия», немедленно задержать его.

V. Арест.

Проходит еще полгода, а о Геннадии, как говорится, ни слуху ни духу. Как вдруг, 7-го декабря 1862 года, в Перми получается такая телеграмма: «Пермь. Военному губернатору. — В Екатеринбурге взят мною лжеепископ Геннадий. Екатеринбургский полицеймейстер Пестерев».

По получении телеграммы, губернатор тотчас же телеграфирует об аресте Геннадия министру внутренних дел, а затем отправляется телеграмма Пестереву такого содержания: «Екатеринбург. Полицеймейстеру. — Душевно благодарю, Геннадия обыщите, посадите под строжайший караул, чтобы не ушел. Возьмите его грамоту. О последующем уведомьте. — Лошкарев».

Это тот самый г. Лошкарев, который недавно получил такую громкую и в то же время такую печальную известность в качестве главного участника и покровителя разных более чем некрасивых деяний бывшего минского губернатора г. Токарева. Занимая в последнее время должность члена совета Министерства Внутренних Дел, генерал-лейтенант Лошкарев, как воочию доказал недавний процесс, оказывал огромное содействие своим влиянием успеху разных затей г. Токарева.

Наш очерк застаёт г. Лошкарева на посту пермского военного губернатора.

Вслед за телеграммой было получено от полицеймейстера Пестерева донесение, сообщавшее подробности ареста Геннадия. В начале донесения полицеймейстер упоминает о своих трудах, понесенных им в деле поисков и выслеживании за Геннадием. «Мною, — пишет он, — были принимаемы всевозможные меры и способы к поимке лжеепископа Геннадия, но все они долгое время оставались без успеха. Наконец, 5-го декабря Геннадий пойман в доме проживающего в Екатеринбурге колыванского купца Чувакова. Вместе с ним взят временно-обязанный крестьянин князей Белосельских-Белозерских, Владимирской губернии, Вязниковского уезда, деревни Сергеевой, Ксенофонт Макаров Вяхирев, показавший себя священником».

При обыске у Геннадия найдена была ставленная грамота, данная на имя «Геннадия, епископа пермского», за подписью «Антония, архиепископа владимирского и всея России»; кроме того, на нем оказались: наплечная мантия, камилавка и на шее кипарисный крест на шнурке, вместе с особым бархатным значком, на котором шелками и золотом вышито изображение креста. При Вяхиреве взята вместе с паспортом грамота, за подписом епископа Геннадия, на чин священника Ксенофонта.

Дом Чувакова был подвергнут самому тщательному обыску и осмотру; но при этом найдено было лишь несколько книг и на престольная пелена, других же вещей, относящихся до богослужения, не оказалось. Уже после ареста Геннадия, на улице, неподалеку от дома

Чувакова, найден был узел и в нем оказалась «шелковая соборная архиерейская мантия, которую Геннадий признал за принадлежащую ему».

Что касается наружности или, как выражается донесение, «примет» *епископа*, то полицеймейстер описывает его: «Геннадия 38 лет от роду, росту он 2 арш. 4 верш., лицо имеет чистое, мускуловатое, сухощав, глаза серые, впалые, нос небольшой, волосы темно-русые, усы и борода рыжеватые».

«Приметы эти, — прибавляет Пестерев, — вполне подходят под описание наружности Геннадия», и вслед за тем он заканчивает свой рапорт словами: «обо всем вышеизложенном произвожу строгое исследование».

Здесь будет кстати сообщить рассказ сына Пестерева, студента Казанского университета, с которым нам пришлось встретиться прошлым летом во время поездки на Урал, — рассказ о подробностях, сопровождавших арест Геннадия. По его словам, дело происходило таким образом:

6-го декабря 1862 года, отец рассказчика, екатеринбургский полицеймейстер Пестерев, встретил на улице неизвестного ему человека, который, остановившись, сказал ему:

— Если вы хотите захватить Геннадия, то ступайте в дом купца Чувакова, — он отправляет там богослужение... Подойдите к двери и постучитесь, а когда вас спросят, кто такой, то отвечайте так: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас. Свои». Тогда вам отворят.

Г. Пестерев так и сделал. Подходя к дому Чувакова, он заметил, что на углу стоит караульный, который поглядывает по сторонам, нет ли опасности. Полицеймейстер неожиданно бросился на него, но он рванулся и пустился было бежать; однако г. Пестерев схватил его и остановил. Караульный закричал.

— Только пикни, — сказал полицеймейстер, — я тебе все кишки выпущу!

Оставив караульного солдатам, которые следовали за ним, г. Пестерев отправился в дом. Постучался. «Кто такой?» спрашивают изнутри, не отворяя дверей. Полицеймейстер прочел «Господи Иисусе» и прибавил «свои». Тогда дверь полуотворилась, но затем тотчас же снова была захлопнута. Дело в том, что г. Пестерев забыл переменить форменную фуражку, поэтому *старообрядцы* как только увидели его кокарду, тотчас же быстро захлопнули дверь. Разумеется, это ни к чему не повело, — полиция силой вломилась в дом.

Арестованный вместе с Геннадием в доме Чувакова «лжесвященник» Ксенофонт Вяхирев показал, что он долгое время проживал в Катав-Ивановском заводе, Уфимского уезда, в доме временно-обязанного крестьянина Павла Киселева. Здесь «общество единомышленников» сделало ему предложение быть у них священником, и он изъявил на это согласие.

Тогда епископ Геннадий, в феврале 1861 года, рукоположил его сначала в диаконы, а потом и во священники. Обряд посвящения был совершен в келлии, находящейся в лесах, близ горы Юрмы, около Златоустовского завода. С этого времени Ксенофонт Вяхирев носит сан священника, на который ему выдана ставленная грамота за подписью епископа Геннадия. По праву священника, он постоянно совершает у своих прихожан все требы: крестит, «кает», хоронит и т. п. В Екатеринбург он прибыл вследствие вызова епископа Геннадия, который прислал к нему письмо с предложением явиться в Екатеринбург, но вскоре по прибытии его туда он был арестован вместе с Геннадием.

Кроме Вяхирева, в доме Чувакова, вместе с Геннадием, был арестован еще «лжеиподиакон» Василий Иванов Кульков. Будучи призван к допросу, Кульков объяснил, что он — старообрядец, сын уволенного от обязательной службы мастерового Миасского завода. В ноябре месяце он прибыл в Екатеринбург с целью приискания места и вступления в брак с «избранною невестой». 11-го ноября, в доме купца Михаила Ушкова, он был «свенчан» по обряду старообрядческому с «рабочнической дочерью» Авдотьей Черепановой. Обряд бракосочетания совершал епископ Геннадий; по окончании «свенчания» Кульков был поставлен Геннадием в «иподиаконы».

VI.

Секретный совещательный комитет.

Едва успел совершиться арест Геннадия, как по Екатеринбург у начали ходить слухи, которые набрасывали невыгодную тень на действие лиц, производивших этот арест. Городская молва указывала на какие-то злоупотребления, будто бы, допущенные при аресте *епископа*; произносилось страшное слово взятка; в довершение всего выражалась твердая уверенность, что Геннадий непременно уйдет из-под ареста.

Слухи эти скоро перешли в Пермь; здесь они не могли, разумеется, не встревожить местного начальства и, главным образом, членов секретного совещательного комитета по делам о расколе. Такие комитеты, как известно, существовали в то время во всех тех губерниях, в которых «*раскол*» успел развиться с особенною силой. Постоянными членами этих комитетов были: губернатор, архиерей, начальник губернского жандармского управления и некоторые другие лица из числа высшей губернской бюрократии.

14-го декабря пермский секретный совещательный комитет собрался в особое заседание, чтобы обсудить частные сведения, полученные некоторыми из членов комитета относительно обстоятельств, сопровождавших арест Геннадия. По этим сведениям оказывалось, что «при поимке Геннадия полиция вступила в дом купца Чувакова не тотчас, а по истечении некоторого времени, вследствие чего Геннадий, совершавший служение, получил возможность переодеться и таким образом не был накрыт на месте преступления».

Далее выяснилось, что поимке Геннадия главным образом содействовала враждебная геннадиевской «пафнутиевская» партия «*раскольников*», следующая другому *епископу*, Пафнутию, присланному будто из Москвы «на смену Геннадию». Таким образом, в перспективе всплывало новое дело — о новом *епископе* Пафнутии.

С целью охарактеризовать отношение членов совещательного комитета к делу, привожу с буквальной точностью постановление, состоявшееся по этому поводу в комитете 14-го декабря: «Секретный совещательный комитет, принимая во внимание: первое, что найденная при Геннадии ставленная грамота от Антония, называющего себя архиепископом владимирским и всея России, указывает на связь с другими губерниями, чрез что, при надлежащем развитии, дело это может получить государственную важность, и второе, что следствию по этому делу должно дать возможно полное развитие и быстрый ход, при чем, преградив виновным всякую возможность уклониться от законной ответственности, отвратить все могущие возникнуть попытки к подлогам и извращению истинной силы обстоятельств дела, возможные в делах сего рода, — определяет:

Просить г. жандармского штаб-офицера, полковника Комарова, безотлагательно отправиться в Екатеринбург и, приняв во внимание вышеизложенные соображения комитета, удостовериться, не было ли при поимке Геннадия сделано каких-либо упущений, правильно ли во всех отношениях производится следствие и не следует ли по важности оно назначить особую следственную комиссию при участии его, полковника Комарова».

Вместе с этим, комитет обязал Комарова войти в личные сношения с главным начальником горных заводов и вообще употребить с своей стороны все усилия к тому, чтобы «настоящему делу дано было полное развитие, которого важность оно требует». В особенности же он должен был принять меры к непременному отвращению всякой возможности виновным уклониться от заслуженного ими наказания. Наконец, Комаров обязан был выяснить дело о новом «лжеепископе Пафнутии».

Копии с этого постановления были представлены комитетом в Синод и министру внутренних дел; затем такая же копия препровождена подполковнику Комарову «для исполнения». По получении ее, Комаров тотчас же входит с представлением к губернатору об отпуске ему 85 руб. на поездку в Екатеринбург, а губернатор пишет об этом в казенную палату, которая немедленно же делает распоряжение о выдаче Комарову «просимой суммы».

Комаров уезжает в Екатеринбург, а 18-го декабря от него уже получается телеграмма на имя губернатора такого содержания: «У Геннадия взято письмо московского раскольнического комитета, подписанное всеми членами. Грамоты Фелькнер отправил в Петербург. Необходимо Геннадия вывезти (отсюда), — он уже раз был подменен в

кунгурском остроге. Он — мастерской Лысвинского завода. Дело очень важное. Жду приказаний. — Комаров».

В ответ на это 22-го декабря ему была отправлена такая телеграмма: «Екатеринбург. Полковнику Комарову. — Ежели, по окончании поручения, выедете, примите меры осторожности при отправке арестанта, если министр его потребует. — Лошкарев».

Не получив ответа на эту телеграмму, губернатор на другой же день, 23-го декабря, снова телеграфирует Комарову, на имя полицеймейстера Пестерева: «Передайте Комарову ожидать моего приказания. Если он выехал, то уведомите, представлено ли дело о Геннадии в суд».

В ответ на это летит телеграмма: «Комаров выехал. Следствие о Геннадии оканчивается. — Полицеймейстер Пестерев».

Но все это, как видно, весьма мало успокаивало губернатора. Мысль о возможности побега со стороны Геннадия сильно смущала г. Лошкарева, и беспокойство это еще более усиливалось в нем, благодаря тому обстоятельству, что он, по-видимому, не питал особенного доверия к лицам, заправлявшим следствием.

Как на беду, в это самое время от главного начальника горных заводов, Фелькнера, получается отношение, которое неминуемо должно было еще более усилить тревогу губернатора: «Этот человек, — писал Фелькнер о Геннадии, — прежде сего дважды уже был пойман — сначала в Оренбургской, а потом в Пермской губерниях, а в 1855 году он содержался в пермских арестантских ротах, но всегда успевал бежать. Самое укрывательство его среди раскольников было облечено такой тайной, что было трудно проникнуть ее, а при одном из побегов, после поимки его в Кнауфском заводе, Геннадий был даже подменен другим арестантом».

В виду подобных прецедентов, Фелькнер настаивал на необходимости «принятия особых мер, чтобы Геннадий снова не скрылся». Между прочим, он предлагал, «по окончании следствия над Геннадием, содержать его в особом месте заключения, как, например, в монастыре, куда было бы безопаснее отправить его с жандармами. Таким образом, Фелькнер первый как бы предрешил дальнейшую судьбу *епископа*.

Получив такое послание, губернатор начинает волноваться больше прежнего, и результатом этого настроения является новая телеграмма на имя полицеймейстера Пестерева (от 26-го декабря): «Окончив следствие, передайте скорее дело Геннадия в уездный суд, и как только он суду не будет нужен, привезите его в Пермь под строгим караулом. — Лошкарев».

Следя за дальнейшим развитием дела, мы уже не встречаемся более с деятельностью секретного совещательного комитета; зато тем чаще встречаются распоряжения, идущие прямо и непосредственно от начальника губернии, г. Лошкарева.

В одном из своих представлений в Петербург губернатор, между прочим, писал: «Геннадий не отвергает звание епископа, напротив, показывает, что таких епископов, как он, в России двенадцать и что им, Геннадием, поставлено в разное время 23 священника. Это указывает, что он составляет звено правильно устроенного общества, действующего во многих губерниях, центром коего — г. Москва, и что общество это чувствовало себя уже в такой степени самостоятельным, что Геннадий не счел нужным скрывать об его существовании. А потому, чтобы следствие не осталось при исключительно местном значении, я бы полагал полезным вызвать его в Петербург для дальнейших расследований по его указаниям».

Помимо этого, вызов Геннадия в Петербург, по мнению губернатора, желателен еще потому, что вместе с ним в значительной степени устранилась бы возможность побега или подмены Геннадия другим лицом; оставлять же Геннадия в пределах Пермской губернии особенно опасно в виду явной «приверженности к нему местного раскольнического населения». Г. Лошкарев напоминает при этом, что Геннадий уже три раза бегал из-под стражи и укрывался от заслуженного им наказания.

VII. «Лжепопы» и «лжемонахи».

В числе лиц, которые относились к делу Геннадия с особенным рвением, стараясь, как говорится, «раздуть» его и выискать возможно большее количество улик против Геннадия и его «сообщников», одно из самых видных мест принадлежит главному начальнику горных заводов Уральского хребта генералу Фелькнеру. С самого начала следствия он принимал деятельное, горячее участие во всем, что только так или иначе относилось к делу.

Не доверяя местным властям, Фелькнер поспешил отправить в Петербург, к министру финансов, грамоты, которые были найдены у Геннадия при аресте его и которые указывали на существование в России целой правильно организованной духовной старообрядческой иерархии. Фелькнер употреблял все усилие к тому, чтобы открыть и дознать, из кого именно состоит эта таинственная иерархия, повсюду рассеявшая своих агентов, и кто те лица, которые играют в этой иерархии роль епископов, священников, монахов.

Обо всем, что только выяснялось следствием, по вопросу об этой «противозаконной иерархии», Фелькнер тотчас же сообщал пермскому губернатору и настойчиво просил его распоряжений о розыске и поимке всех тех лиц, на которых падало подозрение, что они так или иначе участвовали в этой «самозванной иерархии». После первых допросов, которым был подвергнут арестованный епископ, Фелькнер писал Лошкареву: «Геннадий при допросах сделал указание на пребывание в разных местах и уездах Пермской губернии мнимодуховных лиц, поставленных им во священники, с выдачею ставленных грамот. Из какого именно звания происходят эти лица, Геннадий отозвался незнанием, объяснив только, что некоторые из них в означенных местах проживают в своих собственных домах». При этом Фелькнер приводит именной список указанных Геннадием лиц.

Далее, по словам Фелькнера, Геннадий высказал на допросе, что в прошлом ноябре месяце был в Екатеринбурге проездом в Сибирь епископ Пафнутий, отправлявшийся для учреждения сибирской *старообрядческой* иерархии⁷. По указанию Геннадия, Пафнутий выбыл из Екатеринбурга, но куда именно — неизвестно. *Епископ* Пафнутий, судя по рассказам Геннадия, имеет около пятидесяти лет от роду и большую окладистую бороду с проседью. В заключение, Фелькнер настаивает на необходимости немедленно же принять меры к розыску и поимке как Пафнутия, так и других лиц, указанных Геннадием.

С своей стороны губернатор также не щадил никаких усилий для того, чтобы дознать, из кого именно состоит и кем заправляется эта неуловимая, прочно установившаяся организация, известная под именем старообрядческой иерархии. Его усилия в этом направлении не остались без результатов, и вскоре ему удалось открыть имена лиц, занимавших высшие ступени старообрядческой иерархии. Жандармский полковник Комаров, на запрос губернатора по этому поводу, доставил ему следующий список старообрядческих епископов:

- 1) Архиепископ владимирский и всея России Антоний.
 - 2) Епископ Онуфрий — председатель духовного совета в Москве.
 - 3) симбирский — Софроний.
- (Все трое поставлены митрополитом Кириллом).
- 4) саратовский — Афанасий.
 - 5) казанский — Пафнутий.
 - 6) кавказский — Иов.
 - 7) Варлаам, без епархии.
 - 8) коломенский — Пафнутий (запрещенный).
 - 9) Израиль *и*
 - 10) Константин — оба без епархии
 - 11) уральский — Виталий.
 - 12) пермский — Геннадий.

⁷ Свидания Геннадия с Пафнутием происходили на заводе купца Ушакова и в доме купчихи Анны Блохиной, близ Екатеринбурга.

В свою очередь, Фелькнер доставил губернатору подробный список всех тех «мнимодуховных» лиц (помимо епископов), о которых упоминалось в показаниях Геннадия.

Вот этот список:

«Лжеиноки» и «лжеиеромонахи».

Ананий (пойман и содержится в г. Сарапуле),

Аввакум, Константин, Иона, Паисий, Иов и Савватий.

«Лжепопы»: Зиновий, Аристарх и Иоанн — все трое сарапульские, Евсигней — екатеринбургский, Софоний — сыльвинский, Иларион, Иоанн и Александр — оханские, Иоанн и Макарий — ялуторовские, Ксенофонт — Катавского завода (пойман в Екатеринбурге вместе с Геннадием), Алексей — Златоустовского округа, Александр — шадринский, Семен и Филипп — сибирские.

«Лжеиеродиаконы»: Коментарий (пойман в Екатеринбурге), Корнилий и Максим.

И, наконец, «лжедиакон» Роман, «лжеиподиакон» Василий (пойман в Екатеринбурге вместе с Геннадием) и «священнописец» Герман — Златоустовского завода.

Препровождая эти списки губернатору, Фелькнер снова повторяет просьбу о розыске и поимке, как Пафнутия, так и всех других «мнимодуховных» лиц, значащихся в списках. Характерна резолюция, положенная Лошкаревым на бумаге Фелькнера: «Сообщить секретно полиции, чтобы непременно были пойманы». Коротко и внушительно!

И вот снова летят секретные предписания «ко всем гражданским и земским полициям Пермской губернии» о розыске и поимке *попов, монахов, епископов*. В то же время сообщается генерал губернатору Западной Сибири о розыске *епископа* Пафнутия. Сделав все эти распоряжения, губернатор доносит о них министру внутренних дел.

Не трудно себе представить те ближайшие последствия, какие должны были вызвать эти энергические распоряжения и предписания. Исправники и становые, имея перед собою столь категорическое требование начальства о неприменной поимке «мнимодуховных лиц», не гнушались никакими способами, никакими средствами, чтобы выследить и захватить этих лиц. Обыски, аресты, облавы и т. п. «меры» практиковались в самых широких размерах.

Но все эти меры вели лишь к тому, что население губернии, состоящее почти наполовину из старообрядцев разных толков, еще более замкнулось в себе, еще более стало таиться от власти, еще крепче стало беречь и хоронить своих попов и монахов. В конце концов, исправники, несмотря на все свое рвение выполнить волю начальства, потерпели полное фиаско и принуждены были рапортовать, что, «несмотря на всевозможные меры, принятые ими к поимке мнимодуховных лиц, таковых во вверенных им уездах не оказалось».

Счастливей других в этом отношении был оханский исправник. В уезде его по списку значилось трое *священников*: Александр, Иоанн и Иларион. Исправнику удалось «дознать, что священник Александр есть не кто другой, как временно-обязанный крестьянин графини Строгановой, Александр Михайлов Путин, священник Иоанн — государственный крестьянин деревни Стариковой Иван Иванов Чечкин и, наконец, священник Иларион — не кто другой, как временно-обязанный крестьянин деревни Пьянковой, Иларион Семенов Пьянков».

Далее исправник «дознал», что Путин, Чечкин и Пьянков, действительно, «выдают» себя за священников, что они венчают браки, отправляют разные требы и т. п. «Узнав об этом, — пишет исправник, — я немедленно же отправился в деревню Старикову и произвел обыск в доме крестьянина Чечкина». При этом обыске найдено под полом множество образов и книг религиозного содержания. Все это было отобрано, описано и отправлено в Пермь к губернатору.

Просматривая описи отобранных при обыске вещей, вы встречаете там: лестовки, пояс из белой парчи с шелковыми завязками из красных лент, кресты, две тетради, писанные полууставом, из которых одна начинается словами: «Прекрасная мати пустыня», на 9 листах, а другая без начала и конца, на 17 листах, печатные книги в кожаных досках; одна из таких книг называется «Символом». Но особенно много было найдено и отобрано деревянных икон и медных складней.

Чечкин был немедленно арестован. Затем становым приставам было предписано исправником произвести обыски у остальных заподозренных лиц, т. е. у Путина и Пьянкова,

и также арестовать их. Когда все это было исполнено, исправник вошел к губернатору с вопросом, что ему делать с арестованными «лжепопами» и не отправить ли их в Пермь.

Но так как и сам губернатор не знал хорошенько, какое именно направление примет возбужденное дело, то и не мог разрешить недоумение исправника. Последнему было дано знать только, чтобы он «учредил строжайший надзор за арестованными лжепопами и оставил бы их в Оханске впредь до особого распоряжения».

VIII.

Неудавшаяся попытка.

Весть об аресте Геннадия быстро разнеслась по Екатеринбург и его окрестностям. Больше всего этому способствовали старообрядцы, присутствовавшие при богослужении в доме Чувакова в день ареста *епископа* (6-го декабря). Всего на этом богослужении присутствовало семьдесят человек; все они были опрошены полицеймейстером Пестеревым и затем отпущены по домам.

В числе этих лиц находился, между прочим, крестьянин деревни Пепляков, Урминской волости, Владимир Кондратьев Перин, горячий приверженец Геннадия. Незадолго до происшествия 6-го декабря, Перин прибыл в Екатеринбург с тем чтобы принять священство от Геннадия, но внезапный арест *епископа* помешал этому.

Есть много оснований полагать, что Геннадий пользовался большим уважением среди местного старообрядческого населения; понятно, поэтому, что арест его не мог не произвести между ними сильного впечатления. Последователи Геннадия решили хлопотать об его освобождении, думая для этого пустить в ход подкуп. Предполагалось, в случае успеха, переправить Геннадия за границу. С этого целью Перин добился свидания с арестованным епископом, который содержался в это время при екатеринбургском полицейском управлении, куда он был препровожден тотчас же после ареста. Каким образом устроилось это свидание, из дел не видно; но, судя по многим данным, можно заключить, что Геннадия содержали в Екатеринбурге совсем не под таким «строжайшим караулом», о каком писал губернатор Лошкарев.

При свидании Геннадий просил Перина отправиться в Москву вместе с другим старообрядцем, екатеринбургским мещанином, фамилия которого не была обнаружена следствием. В Москве Перин и его товарищ, прежде всего должны были подать прошение «тамошнему лжепатриарху и архиепископу Антонию» с изложением всех обстоятельств дела. Затем, на их обязанность было возложено «сделать гласным арест Геннадия среди общества московских купцов-старообрядцев», со стороны которых ожидалось активное и веское содействие в деле освобождения Геннадия из-под стражи.

Прошение на имя архиепископа Антония было написано одною «екатеринбургскою купеческою девицею», фамилия которой также не была открыта. Получив прошение и все нужные наставления, Перин, в сопровождении товарища своего, екатеринбургского мещанина-старообрядца, двинулся в путь, но прежде заехал к себе домой в свою деревню, чтобы «выправить паспорт».

Здесь сотоварищ его «за старостью и болезнью» отказался ехать в Москву и просил Перина, чтоб он один отправился к Антонию, при чем передал ему деньги на расходы, а сам вернулся обратно в Екатеринбург. Тогда Перин пригласил ехать с собою в Москву брата своего, Тита Кондратьева Перина.

Братья пришли в волость и заявили о выдаче им паспортов на отлучку.

— Зачем вам паспорта? Куда вы едете? — спрашивали их в волости.

— Едем в Пермь хлопотать о переселении в Томскую губернию, — отвечали Перины.

Получив паспорта, Перины 17-го декабря выехали из дома по направлению к Перми, рассчитывая там взять билет конторы вольных почт. Но едва они успели сделать несколько станций, как вслед за ними отправляется погоня: оказалось, что замыслы их были открыты полицией.

Периных выдал мастеровой Тисовского завода, Красноуфимского уезда, Николай Иванов Васильев, который находился в это время в Урмах, занимаясь шитьем платья. Васильев ходил

из дома в дом, «обшивая крестьян». В то время, как Владимир Перин приехал из Екатеринбурга, Васильев был у них в доме; таким образом, ему пришлось присутствовать при сборах братьев в Москву с целью освободить Геннадия и слышать те разговоры, какие велись по этому поводу.

Следует заметить, что Урминская волость считается одним из главных центров *старообрядчества* в Пермской губернии; почти все население этой волости сплошь состоит из *старообрядцев*. Этим, вероятно, следует объяснить тот факт, что Перин, явившись туда, совсем, по-видимому, не считал нужным (за исключением волости) скрывать о цели своего путешествия.

Разговоры о необходимости освободить Геннадия велись открыто, без всяких конспиративных приемов и уловок. Васильев делал вид, что вполне разделяет взгляды Периных и сочувствует их замыслу; мало этого, он даже оказывал им услуги в их приготовлениях. Так, когда Перин вложил в пакет прошение на имя Антония, то Васильев написал адрес на этом пакете и запечатал его.

Проводив Периных в путь, Васильев едет в Кунгур и доносит обо всем исправнику; исправник, памятуя губернаторские предписания о необыкновенной важности дела Геннадия, тотчас же садится в сани и несется преследовать Периных. Он гонится за ними вплоть до Каяновской станции, но не мог нагнать и принужден был вернуться обратно.

Вслед за этим исправник шлет губернатору рапорт, в котором подробно излагает все, что удалось ему узнать от Васильева относительно замысла братьев Периных. Далее, он сообщает №№, за которыми выданы Периным паспорта, и описывает их наружность или приметы. По описанию исправника, Владимир Перин имеет 31 год от роду, ростом 2 арш. 2 ⁷/₈ вершк., «волосы и брови несколько темно-русые, глаза серые, нос и рот обыкновенные, подбородок круглый, лицо чистое, знает грамоту, женат сводным браком, особых примет не имеет».

Вероятно, братья Перины были очень схожи между собою по внешности, так как приметы другого брата Тита, по описанию исправника, совершенно совпадают с приметами Владимира: те же серые глаза, то же «чистое лицо», «круглый подбородок», волосы и брови «несколько темно-русые», «нос и рот обыкновенные» и т. д. Подобное шаблонное описание едва ли могло сколько-нибудь облегчить поиски полиции. Гораздо существеннее в этом отношении было указание на № билета, взятого Периными из кунгурской конторы вольных почт.

В рапорте своем исправник напоминает, что Геннадий есть не кто иной, как арестант Иларион Старцев, бежавший в 1859 году при пересылке его от исправника Юговских заводов к приставу 3-го стана Кунгурского уезда. Подмененный крестьянином Курдюковым, Иларион Старцев (Геннадий тож) скрылся тогда неизвестно куда. Курдюков же после этого долгое время содержался в кунгурском тюремном замке. В то же самое время и в том же самом остроге содержался и мастерской Васильев. За что именно и по какому делу содержался в тюрьме Васильев, из рапорта не видно; известно только, что «не за веру».

Из дел, бывших в нашем рассмотрении, не видно, что именно было предпринято по поводу рапорта кунгурского исправника, а также не видно, были ли пойманы Перины, или же они благополучно достигли Москвы. Судя по некоторым данным, следует предполагать, что им удалось избежать преследований, но были ли они в Москве и если были, то что именно удалось им сделать в пользу задуманной дели, нам не известно. Как бы то ни было, но очевидно, что попытка их добиться освобождения Геннадия при помощи московского общества старообрядцев потерпела полное фиаско.

Следя за дальнейшим развитием дела о Геннадии, мы еще раз встречаемся с именем Владимира Перина. Оказывается, что, потеряв надежду на помощь со стороны московского общества старообрядцев, он решился обратиться с ходатайством об освобождении Геннадия к высшей власти.

В мае месяце 1863 года статс-секретарь у принятия прошений, на Высочайшее имя приносимых, препроводил к министру внутренних дел всеподданнейшее прошение проживающих в Екатеринбурге крестьян Николая Журавлева и Владимира Перина об освобождении из-под стражи *старообрядческого* епископа Геннадия, священника Вяхирева и иподиакона Кулькова.

В свою очередь, министр внутренних дел с предложением от 15-го мая обратился к пермскому губернатору и поручил ему объявить просителям, что так как «дело о лжеепископе Геннадии, Вяхиреве и Кулькове находится в производстве в судебном месте, то дальнейшее разрешение их участи будет зависеть от этого места»...

IX. Под стражею.

Мы уже упоминали, с каким беспокойством и тревогою следил пермский губернатор за производством следствия по делу о Геннадии. Ему все казалось, что местные власти недостаточно строго относятся к Геннадию, недостаточно зорко следят за ним, что они не могут проникнуться сознанием огромной «государственной важности» этого дела, Его пугает и страшит мысль о том, что Геннадий, того гляди, уйдет из-под ареста. И вот он шлет в Екатеринбург телеграмму за телеграммой о более строгом карауле и надзоре за *епископом*.

Вскоре обнаружилось, что беспокойство губернатора имело свои основания. 5-го января 1863 года в Перми получилась на имя губернатора бумага министра внутренних дел Валуева такого содержания: «В министерстве внутренних дел получены сведения, что задержанный в г. Екатеринбурге лжеепископ Геннадий содержится под присмотром в полицейском доме, где свободно навещают его раскольники и особенно жены их, между которыми есть много весьма богатых. Они относятся к нему с уважением и, как слышно, стараются освободить его из-под ареста, для чего и собрали довольно значительную сумму денег».

Далее в бумаге высказывалось, что «отобранное у Геннадия письмо показывает, что и в Москве заботятся об освобождении его для отправления в более безопасное место — за границу. В числе бумаг, отобранных у Геннадия, есть также письмо к нему из Москвы от собора лжеепископов. Так как Геннадий уже два раза был ловим, но каждый раз находил случай уйти, то содержание его при полиции не безопасно».

В виду этого, министр внутренних дел предлагал губернатору «принять меры к устранению изложенных опасений, сделав распоряжение о переводе лжеепископа Геннадия в более надежное место и о строжайшем там за ним надзоре, с прекращением ему возможности входить в сношение с раскольниками».

В конце этой бумаги министром, статс-секретарем Валуевым, сделана собственноручная приписка такого рода: «об исполнении же меня уведомить, с присовокуплением, когда присутствие Геннадия на месте будет не нужно для производящегося исследования».

Получив эту бумагу, губернатор кладет на ней резолюцию: «Сейчас же спросить по телеграфу полицеймейстера, передано ли дело в уездный суд, и ежели Геннадий не нужен, то чтоб ускорить доставление его в Пермь».

Спустя несколько дней, полицеймейстер Пестерев доносит губернатору телеграммой, что «дело Геннадия 21-го января будет передано главному начальнику горных заводов, а 23-го в суд».

Тогда губернатор спешит дать наставление суду: «По важности обстоятельств, заключающихся в следственном деле о пойманном в Екатеринбурге лжеепископе Геннадии, — пишет г. Лошкарёв, — предлагаю уездному суду:

- 1) безотлагательно приступить к рассмотрению сего дела и
- 2) тотчас по миновании надобности в личности Геннадия уведомить о сем екатеринбургского полицеймейстера, для отправления его, Геннадия, согласно особому распоряжению».

Одновременно с этим, губернатор пишет полицеймейстеру Пестереву, чтобы он «немедленно по окончании дела лично сам привез Геннадия в Пермь под строгим караулом». Не успел, вероятно, Пестерев получить эту бумагу, как телеграф приносит ему новое подтверждение губернатора: «Телеграфируйте: скоро ли окончится дело о Геннадии и он будет доставлен в Пермь?»

Наконец, 27-го января, полицеймейстер Пестерев, «под прикрытием одиннадцати человек конвойных, благополучно привез лжеепископа в Пермь»⁸. На рапорте, который по этому поводу был представлен полицеймейстером губернатору, последний положил резолюцию: «Заключить в тюремный замок и донести г. министру внутренних дел, присовокупив, что дело передано в екатеринбургский уездный суд, и что он (Геннадий) здесь более не нужен».

В тот же день пермский полицеймейстер рапортовал губернатору, что *епископ* Геннадий принят им и «заключен в местный тюремный замок под личный надзор тюремного смотрителя». При этом Геннадий был снова обыскан; деньги и разные «одежные вещи», которые оказались при нем, были отобраны и переданы на хранение тюремному смотрителю. Но, кроме этого, при Геннадии были найдены: черная мантия, скуфья, книга под заглавием «Богослужение русской церкви до монгольского времени», тетрадка и рукопись, содержащая биографию *епископа* Геннадия. Все это также было отобрано от Геннадия, при чем мантия и скуфья переданы были екатеринбургскому полицеймейстеру «для приобщения к делу», рукописи же и книга препровождены к архиерею. При этом губернатор спрашивал преосвященного: могут ли быть возвращены Геннадию найденные у него рукописи и книга, или же они должны быть подвергнуты рассмотрению в установленном порядке.

Получив этот запрос, архиепископ пермский Неофит передал книгу и рукописи Геннадия на рассмотрение духовной консистории, которая, по обсуждении возбужденного вопроса, пришла к следующему заключению:

1. Книга «Богослужение русской церкви до монгольского времени» есть известное сочинение Филарета, епископа рижского, изданное Императорским Обществом Истории и Древностей Российских. Хотя во многих местах этой книги на полях написано «зри», тем не менее эти места никак не могут быть истолкованы в пользу раскола.

2. Найденная при Геннадии тетрадка заключает в себе рассказ обратившегося в православие старообрядца о времени пребывания его в расколе. Ближайшее рассмотрение этой тетрадки убедило духовную консисторию, что заключающийся в ней рассказ «есть описание приключений и бродяжничества известного арестанта Ведерникова». Тетрадка эта дает некоторое понятие о современном состоянии раскола.

3. Биография *епископа* Геннадия составляет особую записку, адресованную на Высочайшее имя и заключающую в себе описание происхождения и бродяжничества Геннадия. Описывая свои детские годы, Геннадий находит в них разные прообразы своего епископства; побег свой из арестантских рот объясняет особым содействием ангела, который явился к нему с неба; при этом бывшие на нем «тридцати-фунтовые кандалы» сами спали с него. Почувствовав, что цепи спали, Геннадий оставил место работы и направился через город в леса и горы; при этом совершилось другое чудо: арестанты, которые работали вместе с ним, а также все встречавшиеся с ним в то время, как он в арестантском костюме проходил по городским улицам, — «все были аки слепы» и не замечали его бегства.

Побег же свой из Юго-Кнауфского завода Геннадий объясняет тем, что сам заводский исправник, при поимке его в означенном заводе, дал ему совет скрыть звание епископа и показать себя каким-нибудь обыкновенным старцем. Геннадий так и сделал; затем за тысячу рублей серебром он был отпущен и даже отправлен на лошадях в Екатеринбург.

Далее в биографии рассказывается о том, как Геннадий защищал законность австрийской иерархии и «другие раскольнические мудрования» пред преосвященным Митрофаном, епископом екатеринбургским. Вообще, по отзыву духовной консистории, вся биография Геннадия «наполнена раскольническими лжемудрованиями» и потому никак не может быть выдана обратно Геннадию, а должна храниться при библиотеке местной духовной семинарии. Архиепископ Неофит согласился с отзывом духовной консистории.

Между тем, Геннадий, сидя в тюрьме и ничего не зная о судьбе отобранных от него вещей, пошел с прошением к губернатору, ходатайствуя о возвращении ему «келейной мантии» которая особенно была необходима ему в виду того, что без нее он — епископ — принужден был облечься в арестантский халат. Привожу здесь, с буквальной точностью, не изменяя ничего, кроме знаков препинания, прошение Геннадия, написанное им по этому поводу:

⁸ На "доставку" Геннадия в Пермь полицеймейстером Пестеревым было израсходовано 198 руб. 81 коп. казенных денег.

«Его превосходительству
Господину пермскому губернатору
Нижайшее прошение.

Я, нижеподписавшийся, прошу ваше пр—ство в том, что поступил из Екатеринбурга на 27 число генваря текущего года и привезен в тюремный пермский замок. При осмотре вещей отобрана (от меня) келейная мантия, без которой я не могу оставаться, в крайнем нахожусь неуважительном положении, также и стеснении релегиозном, насопротив комитета, от июня 26 изданного, как можете видеть сами в Сыне Отечества 1861 года декабря 1-го № 288. Но эта мантия по обсуждению прежде была отдана мне в руки, а ныне опять отобрали. И так, в ожидании вашего превосходительства. Писал Божию милостию смиренный Геннадий, епископ пермский древлеправославных христиан».

Это, как видите, довольно-таки безграмотное прошение написано самим Геннадием на листе серой бумаги крупным, ученическим почерком. По этому поводу нам припоминается газетное известие, проскользнувшее как-то в печати и рисовавшее Геннадия хорошо образованным человеком, владеющим, между прочим, греческим языком. Если судить по приведенному нами прошению, то известие это является более чем сомнительным. Ссылка же Геннадия на № «Сына Отечества» указывает на его наивность и полное незнакомство с порядками, существующими в сфере официальных дел и сношений.

Прощение Геннадия не было уважено, и вскоре ему было объявлено, что ходатайство его «оставлено без последствий, так как мантия приобщена к делу».

Вообще, заключение Геннадия в пермском тюремном замке было обставлено самым строгим и тщательным надзором. Полицеймейстер обязан был каждую неделю подробно рапортовать губернатору обо всем, что так или иначе относилось до Геннадия. Приведу один из этих рапортов.

«В течение истекшей недели, — пишет полицеймейстер, — посетителей к лжеепископу Геннадию не было, но в тюрьму являлись разные лица и приносили с собою подаяние для передачи Геннадию. Так, 9-го февраля, кучер от купца Куприяна Сулова принес два французских хлеба, пирог с рыбою и блины; все это, по надлежащем осмотре, передано было лжеепископу. Затем являлась с подаянием родственница купца Андрея Матвеева, Наталья Мокеева; но так как она требовала личного свидания с Геннадием, то поэтому не была пущена».

Х.

Прошлое Геннадия.

Первые сведения о прошлом Геннадия были сообщены пермским архиепископом Неофитом. Как только сделалось известно об аресте *епископа*, Неофит сообщил губернатору следующие данные о прошлой жизни Геннадия.

«*Выдающий себя за епископа Геннадия*» есть ни кто другой, как беглый крестьянин Лысвинского завода княгини Бутеро, по фамилии Григорий Васильев Беляев. В самых молодых годах, когда ему было не более 18-ти лет от роду, он скрылся из места своего жительства и около двадцати лет находился в безвестной отлучке. На месте родины, в Лысвинском заводе, у него осталось три брата: Сидор, Яков и Дмитрий Беляевы; семейство это состояло и состоит в *старообрядчестве*; *старообрядцем* был и Григорий. В детстве он учился в местной школе и в это время, несмотря на свою принадлежность к *старообрядчеству*, постоянно ходил в православную церковь. «Дел о нем по расколу не возбуждалось; но за побег он был судим и наказан в стенах полиции плетьюми» (далее мы увидим, что этот последний факт не верен).

В другой раз, преосвященный Неофит сообщал, что Геннадий есть тот же самый человек, который в 1859 году, под именем инока Илариона Старцева, был пойман в Юго-Кнауфском заводе, но «снова отпущен заводским исправником Брусницыным и подменен другим

бродягою-раскольником Спиридоном Курдюковым». Этот последний, пишет Неофит, — «конечно (?), за деньги согласился выдать себя за Геннадия в той мысли, что и без того ему не миновать кунгурского острога».

Дело о Курдюкове решено и, по указу пермской судебной палаты от 4-го мая 1862 года, Курдюков «подвергнут наказанию розгами шестидесятью ударами» и, кроме того, с него взыскано 50 рублей серебром. Такому же точно наказанию были подвергнуты вместе с Курдюковым двое других мастеровых — Кудрин и Умятников: они также были признаны виновными в устройстве побега Геннадия.

Что же касается мастерового, назвавшегося при поимке иноком Иларионом Старцевым, то будучи подменен Курдюковым, он скрылся в кунгурских лесах, а затем, по прошествии некоторого времени, явился в Екатеринбург, где «впоследствии объявил себя епископом Геннадием». Курдюков же, по освобождении из тюремного замка, также отправился в Екатеринбург, чтобы здесь принять от Геннадия рукоположение во священники. Но здесь в декабре оба они были захвачены в доме купца Чувакова.

Откуда узнал преосвященный Неофит об аресте Курдюкова, из его переписки не видно; по всей вероятности, он ошибочно принял за Курдюкова священника Ксенофонта Вяхирева, арестованного вместе с Геннадием.

Более подробные и точные сведения о прошлом Геннадия сообщали екатеринбургский полицеймейстер и, особенно, общее присутствие екатеринбургского уездного суда и местного городского магистрата.

Отец Геннадия, крепостной человек княгини Бутеро, Василий Беляев, был женат на крестьянке Дарье Фроловой; они имели свой собственный дом в Лысвинском заводе. По словам Геннадия, отец его давно уже умер; что же касается матери его, то он не знает наверное, жива ли она. Из соседей, которые жили около них в заводе, Геннадий помнит только крестьян Вахрушевых, других же никого не помнит. 18-ти лет он бросил дом и удалился в леса «для богомоления». В расколе он не состоит, а считает себя христианином древней православной Церкви. Со времени бегства в леса он ни разу не был в доме своего отца.

Сначала Геннадий жил в лесах около Кунгура — «в раскольническом ските», состоящем из нескольких келлий, населенных старообрядцами, искавшими спасения вдали от греховного мира. Настоятелем у них был схимник Никита. Кто именно были эти люди, откуда и какого они звания, ему, Геннадию, неизвестно. Теперь этого скита уже не существует и келлии разорены. Опасаясь поимки, жившие в ските отшельники начали ходить с места на место. Во время этих переходов старец Никита был пойман властями и заключен в острог в городе Осе; отсюда он был переведен в кунгурский тюремный замок, где и умер.

После этого, Геннадий оставил кунгурские леса и удалился в Уральск, а оттуда около 1853 года перебрался в Саратовскую губернию. Здесь он разыскивал старообрядческого епископа (австрийского рукоположения) Афанасия. Наконец, благодаря указаниям и наведению местных жителей ему удалось встретиться с Афанасием в лесах Хвалынского уезда.

С этих пор они начали путешествовать вместе. Некоторое время они имели приют близ города Хвалынска, в доме купеческой дочери Анны Козьминой, жившей «в саду». Здесь Геннадий получил от епископа Афанасия иноческое пострижение и сан иеродиакона.

Из Хвалынского уезда инок Геннадий снова отправился в путешествие с проповедью о старой вере. На этот раз он ударился на восток и бродил по степям и горам Оренбургской губернии. Здесь он встретился и вскоре близко сошелся с двумя старообрядческими монахами — Серафимом и Ароном. Они начали было путешествовать все вместе, но вскоре, а именно в марте месяце 1854 года, были задержаны в Белебеевском округе исправником Усень-Ивановского завода. Они были арестованы и затем, по допросе, отправлены в места приписки: Аарон — в Екатеринбург, Геннадий — в Пермь, а Серафим, как местный уроженец, оставлен в Белебее.

Началось дело, во время которого Геннадий содержался в пермском тюремном замке; но случилось так, что следователь не обратил внимания на заявление Геннадия о том, что он носит сан иеродиакона. По решению «судебного места», Геннадий был переведен в арестантские роты, при чем он должен был подвергнуться наказанию плетьюми; но, вследствие

Высочайшего манифеста, приговор суда относительно наказания Геннадия плетью не был приведен в исполнение.

В арестантских ротах Геннадий пробыл до 14-го сентября 1855 года. В этот день вечером, Геннадий, находясь вместе с другими арестантами на городской работе, бежал и скрылся в кунгурских лесах. Здесь он прожил зиму, а летом он снова ушел в Хвалынский уезд, к *епископу* Афанасию, который с радостью и восторгом приветствовал своего старого друга, так много пострадавшего за «правую веру».

С этих пор начинается быстрое возвышение Геннадия, как человека уже испытанного. 29-го октября 1856 года он был поставлен епископом Афанасием в пресвитеры, а 21-го ноября того же года в архимандриты. Обряд поставления происходил, по словам Геннадия, в доме той же купеческой дочери Анны Козьминой, у которой они жили несколько лет назад.

Но этим не ограничились «повышения», выпавшие на долю Геннадия за его испытанную стойкость в деле исповедывания и распространения старой веры: епископ Афанасий отправил своего друга в Москву к Антонию, архиепископу владимирскому и всея России, как человека, достойного воспринять сан епископа. Геннадий выехал в Москву вместе с священником Пафнутием.

Нужно думать, что Геннадий и Пафнутий, явившись в Москву, произвели вполне благоприятное впечатление как на архиепископа Антония, так и на духовный старообрядческий совет. Оба они были признаны достойными епископского сана, при чем решено было, что обряд посвящения будет совершен в знаменитых Гуслицах.

К назначенному дню в Гуслицы съехались члены духовного совета, архиепископ Антоний и многие другие чины высшей старообрядческой иерархии. 9-го января 1857 года Геннадий был посвящен в епископы, а на другой день, 10-го января, тот же самый обряд совершен был над священником Пафнутием.

Посвящение это совершено было с необыкновенною торжественностью; кроме архиепископа Антония, богослужение совершали епископы кавказский Иов и зыбковский Конон⁹. На Геннадия было возложено все архиерейское облачение: подрясник с источниками, крестовая епитрахиль, поручи, пояс с источниками, набедренник, фелонь крестовая, омофор, панагия, наперсный крест, митра и, наконец, ему вручен был жезл. Затем Геннадию была пожалована походная церковь, в виде особого рода палатки.

Вслед за поставлением в епископы, Геннадию вручена была ставленная грамота на пермскую епархию, та самая, которая впоследствии была отобрана от него при аресте 6-го декабря. Назначением Геннадия в пермскую епархию, которая с давних пор считается одним из главнейших очагов раскола старообрядчества, духовный совет как бы воздал должное за все заслуги, оказанные этим лицом делу староверия.

Приняв посвящение и получив благословение Антония, епископ Геннадий отправился в назначенную ему епархию; но он не избрал себе постоянного места для своего жительства, а переезжал с одного места на другое, навещая также и соседние с Пермскою губернии: Оренбургскую, Вятскую и Тобольскую. Город Екатеринбург был центральным пунктом того района, который был отведен для деятельности Геннадия. В этом городе у него, по его собственному показанию, было 300 человек прихожан из числа местных старообрядцев.

За время своего управления пермскою епархией Геннадий обнаружил необыкновенную деятельность на пользу старообрядчества. Беспреданно разъезжая из конца в конец по Пермской и соседним с нею губерниям, он всюду находил приверженцев «древнего благочестия», наставлял и укреплял их в вере, отправлял богослужение, поставлял священников и других чинов иерархии. По праву епископа, Геннадий посвятил для своей епархий архимандрита Зиновия, четырех дьяконов и 23 священника.

Подобного рода деятельность не могла, разумеется, избежать огласки. Полиция давно уже и энергически разыскивала «лжеепископа» Геннадия. В 1859 году он был снова задержан на Кнауфском заводе, в доме мастерового Осипа Носкова, под именем инока Илариона Старцева. Геннадий был арестован и посажен в арестантскую, а затем отправлен и по этапу в кунгурскую тюрьму. Но последователи его не дремали и немедленно же явились к нему на

⁹ Впоследствии епископ Конон, по словам Геннадия, был арестован и умер в тюрьме.

выручку. Дело кончилось тем, что вместо инокка Старцева (Геннадия тож) в кунгурскую тюрьму был доставлен какой-то неизвестный никому раскольник Спиридон Курдюков.

Все эти сведения о прошлом Геннадия полиция узнала из его собственных показаний, которые отличались необыкновенною искренностью и почти полною откровенностью. Как видно, Геннадий считал несогласным с достоинством убежденного человека таиться в своих заветных взглядах и верованиях; в то же время он не считал нужным скрывать все, что было им сделано на пользу дела, которому он служил. Только в тех случаях, когда от него требовались указания, касавшиеся других лиц, он становился сдержан, осторожен и даже скрытен. Так, когда следователи потребовали, чтоб он указал, кто именно были те лица, из которых состоял его приход в Екатеринбурге, то Геннадий категорически отказался исполнить это, заявив, что ни фамилий, ни имен их он не знает.

XI.

«В монастырь на увещание».

В Петербурге, как мы уже отчасти и видели, серьезно взглянули на дело Геннадия. Не только в среде светского, но и духовного начальства обнаружилось заметное беспокойство, выразившееся, между прочим, в необычайно обильном писании всякого рода предписаний, циркуляров, отношений, указов и предложений по этому поводу.

Святейший Синод не раз напоминал то пермскому, то оренбургскому преосвященным об огромной важности дела Геннадия, о необходимости строгих мер, которые бы устранили всякую возможность нового побега со стороны *епископа*, о доставлении сведений, знакомящих с ходом следствия и суда по этому делу и т. д.

С своей стороны министр внутренних дел также не раз напоминал губернатору о «важности дела Геннадия» и неоднократно просил его наблюдать, чтобы следствие о *епископе* «привело все обстоятельства дела в надлежащую полноту и ясность»; далее, он поручал г. Лошкареву наблюдать за тем, «чтобы дело это получило законное и соответственное разрешение»...

Общее присутствие екатеринбургского уездного суда и городского магистрата, обсуждая дело Геннадия, пришло к следующему заключению: «Так как преступник Беляев (Геннадий тож) бежал из арестантской роты в то время, когда находился на городской работе, под военным конвоем и, таким образом, совершил преступление против военной дисциплины и затем в течение побега впал в другие нарушения закона, то поэтому он, Беляев, на точном основании 38 п. 761 ст. XV т. 2 ч. и 1011 и 1074 ст. XIV т. Свода законов, подлежит суждению военного суда».

Губернатор в принципе вполне соглашался с заключением общего присутствия относительно предания Геннадия военному суду, но его останавливало одно соображение: у *епископа* было найдено «письмо от духовного совета», существующего якобы в Москве; в этом письме «духовный совет» приглашал Геннадия прибыть в Москву «для отправления за границу в безопасное место». Таким образом, кроме побега из арестантских рот и других преступлений, — против Геннадия возникло новое обвинение — «в соучастии его с обществом московских лжеепископов, каковое дело еще не обследовано». В силу этого соображение губернатор решил представить все дело на благоусмотрение министра внутренних дел.

Но прежде чем рапорт об этом был получен в Петербурге, судьба Геннадия была уже решена: 8-го апреля (1863 года) из министерства внутренних дел на имя пермского губернатора была отправлена бумага такого содержания:

«Государь император, по всеподданнейшем докладе его величеству представления вашего превосходительства о том, что раскольниковый епископ Геннадий, по окончании о нем следствия, переведен из Екатеринбурга в Пермь и для дальнейшего хода о нем дела более не нужен, в 5-й день сего апреля Высочайше повелеть соизволил: удалить Геннадия из места прежней его деятельности, поместив для увещания в суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь владимирской епархии, в арестантском отделении онога».

Есть основание предполагать, что мысль о заключении Геннадия в монастырь впервые явилась у министра внутренних дел. Еще ранее Высочайшего повеления 5-го апреля г. Валуев входил в сношение с Св. Синодом по поводу «удаления Геннадия в суздальский монастырь». Синод, «разделяя мнение г. министра внутренних дел относительно удаления лжеепископа Геннадия из места бывшей его деятельности и содержания его в монастыре для испытания над ним увещаний к оставлению раскольнических заблуждений», высказался, что он с своей стороны «не находит никаких препятствий к помещению Геннадия в арестантском отделении суздальского монастыря». Поэтому, как только состоялось повеление об удалении Геннадия в монастырь, Синод тотчас же дал предложение владимирскому преосвященному «о принятии Геннадия в упомянутый монастырь».

Между тем, пермский губернатор, получив бумагу министра от 8-го апреля, недоумевал: следует ли выслать Геннадия тотчас же в монастырь и не будет ли он нужен при получении ответа министра на сделанное им представление относительно предания Геннадия военному суду? Г. Лошкарев затруднился в этом, главным образом, потому, что в то время, как состоялось распоряжение о ссылке Геннадия в монастырь, министерству не было известно, что «он есть беглый арестант». «Затем, — думал губернатор, — в случае если бы последовало распоряжение судить Геннадия военным судом, то как тогда быть без него? Ведь известно, что военный суд, на точном основании закона, не может никого судить заочно».

И вот губернатор Лошкарев шлет телеграмму на имя министра: «Прикажете ли отправить Геннадия тотчас, или ожидать разрешения на представление за № 182».

В ответ на это получается телеграмма: «О лжеепископе Геннадии ожидать разрешения министерства. Министр Валуев».

Отсрочка эта была сделана в виду того, что статс-секретарь Валуев, по получении представления пермского губернатора за № 183, счел необходимым снестись предварительно с главным начальником III-го Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и обер-прокурором Св. Синода. По получении от них благоприятных отзывов министр 18-го мая предписал пермскому губернатору «немедленно сделать распоряжение о приведении в исполнение Высочайшего повеления относительно помещения кр. Григория Беляева, выдающего себя за епископа Геннадия, в суздальский монастырь, и затем дальнейшее производство о нем прекратить».

Тогда г. Лошкарев спешит сообщить владимирскому губернатору о Высочайшем повелении относительно «помещения в суздальский монастырь на увещание» *старообрядческого* епископа Геннадия и просит его сделать распоряжение об отправлении его из Владимира, куда он вскоре будет доставлен, в суздальский монастырь.

Сначала предполагалось отправить Геннадия из Перми до Владимира с «двумя благонадежными жандармами», но затем решено было поручить это дело жандармскому офицеру штабс-капитану Латухину.

26-го июня 1863 года из Перми выехала по казанскому тракту тройка почтовых лошадей; в тарантасе сидели жандармский офицер и рядом с ним невысокий худощавый мужчина с бледным выразительным лицом и серыми, глубоко впавшими глазами, в которых светилась непреклонная, железная воля. Это был Геннадий.

Перед отъездом из Перми Латухину были выданы деньги на путевые издержки в количестве 211 руб. 65 коп., открытый лист и особая «инструкция». В «открытом листе» значилось: «Предъявителю сего, пермской жандармской команды штабс-капитану Латухину, сопровождающему арестанта Григория Беляева до г. Владимира, обязаны гг. начальники воинских команд, расположенных по этому тракту, немедленно отряжать благонадежный добавочный караул, который и оставлять во все время нахождения его на месте». Этот «лист» был подписан пермским военным губернатором, генерал-майором Лошкаревым.

Приведем затем инструкцию, которою должен был руководиться штабс-капитан Латухин, конвоируя Геннадия:

«Назначая вас для сопровождения до гор. Владимира крестьянина Григория Беляева, я предписываю вам теперь же принять его и немедленно отправиться с ним в г. Владимир, наблюдая следующее:

1. Во время пути до г. Владимира неотлучно находиться при арестанте в полном вооружении, не позволяя ему ни с кем разговаривать.

2. Вы должны иметь осторожность, чтоб арестант не нанес себе вреда и не бросился бы на имеющееся у вас оружие.

3. Квартир нигде не нанимать, а требовать от местных начальников и останавливаться для отдыха в тех только местах, где есть воинские команды, от коих просить, по прилагаемому при сем открытому листу, караул, который оставлять во все время пребывания вашего на месте.

4. По прибытии в город Владимир, тотчас явиться к тамошнему губернатору, представить прилагаемый конверт за № и просить его распоряжения о принятии от вас арестанта и выдаче квитанции.

5. В случае значительной болезни арестанта вы должны доехать до ближайшего города, отдать его в ведение тамошнего начальства для излечения и доставления, по выздоровлении, за надлежащим присмотром в г. Владимир к тамошнему начальнику губернии, взяв в сдаче квитанцию.

6. В заключение сего предворяю вас, что неустройство во время пути, а тем более упуск арестанта подвергнут вас строжайшей ответственности по законам».

Подписал пермский военный губернатор Лошкарев.

1-го июля Геннадий был доставлен во Владимир и сдан губернатору, который тотчас же сделал распоряжение об отправке его в суздальский монастырь. Штабс-капитан Латухин, получив квитанцию в принятии от него Геннадия, вернулся в Пермь и представил квитанцию губернатору. А в тюремных келлиях суздальского монастыря в это самое время прибавилось одним новым «секретным» арестантом... Но о пребывании Геннадия в монастырской тюрьме мы расскажем в следующей главе. Теперь же нам остается сказать несколько слов о судьбе лиц, которые были привлечены к делу о *епископе* Геннадии. Один из этих лиц, *священник* Ксенофонт Вяхирев, умер во время заключения в екатеринбургском тюремном замке, не дождавшись решения своей участи.

Другой из заключенных по этому делу, «лжеиподиакон» Василий Кульков, сидя в тюрьме, заболел. Отец его, отставной мастеровой Миасского казенного завода Иван Кульков, обратился в министерство внутренних дел с прошением об освобождении из тюрьмы больного сына его, Василия, и об отдаче его ему на попечение «для поправления здоровья». Министерство переслало это прошение пермскому губернатору для направления дела по подсудности.

После того, как Геннадий был отправлен в монастырь, губернатор Лошкарев совершенно не знал, что ему предпринять относительно других лиц, замешанных в этом деле; он решил было кончить дело административным порядком, при чем предполагал: «Кулькова, как уроженца Миасского завода, Оренбургской губернии, водворить в его местожительство, сообщив местному епархиальному начальству о сделании ему увещания»; колыванского же купца Чувакова, допустившего в своем доме торжественное богослужение при большом стечении народа, поручить надзору местной полиции, которой вменить в обязанность строго наблюдать за тем, чтобы «впредь никаких подобных сборищ в доме Чувакова отнюдь не происходило». Не решаясь, однако, привести эти меры в исполнение, г. Лошкарев обратился в Петербург с вопросом: как ему поступить с Кульковым и Чуваковым?

Министр юстиции отвечал на это, что «действие крестьянина Кулькова и купца Чувакова, на основании 585 ст. 2 кн. XV т. и § 13 Высочайше одобренного наставления, должны подлежать рассмотрению в судебном порядке, и потому дело о них следует передать в подлежащее судебное место, с тем, чтоб оно постановило определение на законном основании только об ответственности двух этих лиц, не касаясь оговоренных лжеепископом Геннадием 23 раскольнических священников, так как сие последнее обстоятельство, на основании особого Высочайшего повеления, не подлежит рассмотрению судебных мест».

XII. В крепости.

Доставленный из Владимира в монастырь в сопровождении «двух благонадежных жандармов», Геннадий был помещен «в одну из комнат арестантского отделения крепости». В Высочайшем повелении, при котором он был прислан, настоятелю монастыря ставилось в обязанность делать ему «кроткие увещания». На содержание Геннадия в монастырской тюрьме назначено было казной 46 руб. 80 коп. в год.

Вероятно, суздальская тюрьма и условия пребывания в ней произвели на Геннадия сильное и в то же время тяжелое впечатление, так как почти тотчас же по прибытии в монастырь он подает прошение на Высочайшее имя о помиловании. После обычной, неизбежной в таких случаях переписки прошение Геннадия «оставляется без последствий». Таким образом, приходилось по необходимости подчиниться неизбежной судьбе.

В 1864 году архимандрит Иларион, донося владимирскому архиерею о результате «кротких увещаний» по отношению к Геннадию, сообщал, что последний «по закоренелости своей в расколе всегда ставит раскольнические свои заблуждения выше обрядов православной Церкви и носимый им незаконно епископский сан считает законным». Впрочем, прибавляет архимандрит, «с некоторого времени Геннадий стал посещать наше богослужение и читать православные книги; нрава он кроткого, покорного».

Приблизительно в том же духе аттестовался Геннадий и в следующие годы; так, в 1866 году о. архимандрит писал: «В продолжение истекшего полугодия надежды к оставлению раскольнических заблуждений несколько подавал; делаемым ему мною внушениям кротко внимал; читал охотно книги догматического и вообще духовного содержания и посещал богослужение».

В 1869 году Геннадий снова подает прошение об освобождении его из заключения, но и на этот раз ходатайство его не имело успеха. Министр внутренних дел сообщил владимирскому архиерею, что Геннадий, по Высочайшему повелению, заключен «за принятие на себя не принадлежащего ему высшего сана и за побег из арестантской роты» и что в виду этого «всеподданнейшее прошение его удовлетворено быть не может».

Затем, в конце того же 1869 года, Геннадий неожиданно подает заявление о желании его присоединиться к единоверию. Заявление это производит, конечно, большую сенсацию. Настоятель московского единоверческого монастыря иеромонах Павел «с радостью» выражает полную готовность принять Геннадия в свой монастырь. Но тут возникает очень щекотливый в церковном отношении вопрос о том, каким именно чином следует принять епископа Геннадия в единоверческий монастырь. По этому поводу возникает большая конфиденциальная переписка, закончившаяся только к осени следующего 1870 года. 3-го августа этого года состоялось Высочайшее повеление относительно «освобождения раскольнического лжеепископа Геннадия из арестантского отделения Спасо-Евфимиева монастыря для присоединения его к единоверию в московском единоверческом монастыре, с оставлением в оном на жительство, в иноческом образе».

Следует думать, что такое решение не удовлетворило Геннадия: он мечтал и надеялся, что путем присоединения к единоверию ему удастся добиться признания со стороны православной Церкви епископского сана в старообрядческой белокриницкой иерархии. Но раз это ему не удалось, то, попав в московский единоверческий монастырь, он тотчас же начинает будировать против православия и единоверия. Разумеется, это не проходит для него безнаказанно. Развязка всей этой истории подробно излагается в бумаге тогдашнего обер-прокурора Святейшего Синода графа Д.А. Толстого от 26-го октября 1870 года на имя настоятеля суздальского монастыря Досифея.

«Высокопреосвященный митрополит московский, — писал граф Толстой, — на основании донесения настоятеля тамошнего Николаевского единоверческого монастыря игумена Павла, уведомляет меня, что помещенный в том монастыре для присоединения к единоверию раскольнический лжеепископ Геннадий, освобожденный для этой цели, с Высочайшего разрешения, из суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, в последнее время снова

обнаружил признаки упорной расположенности к раскольническим заблуждениям, так что игумен Павел выражает опасение, чтобы Геннадий не убежал из единоверческого монастыря,

Вследствие сего, сделав сношение с митрополитом Иннокентием о немедленной отсылке упомянутого лжеепископа обратно в суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, долгом поставлю сообщить о том вашему высокопреподобию и покорнейше просить о распорядении, чтобы Геннадий, по доставлении его во вверенный вам монастырь, опять был заключен в арестантское отделение оною, в котором сей лжеепископ содержался прежде».

Распорядение, конечно, было сделано, и Геннадий снова очутился в тюремной келлии Спасо-Евфимиева монастыря.

Несмотря на глубокую тайну, которая окружала заключение в монастырской тюрьме старообрядческих епископов, слух о этом факте все-таки распространился в среде русского общества и народа, особенно же среди последователей белокриницкой иерархии. Последние начинают предпринимать целый ряд попыток завязать сношение и вступить в переписку с своими иерархами, подвергшимися тяжелой и суровой каре. Следует, однако, думать, что очень многие из этих попыток окончились полной неудачей, так как письма обыкновенно перехватывались настоятелем монастыря, который, без дальних околичностей, преспокойно подшивал их «к делу».

В «делах» о старообрядческих епископах, хранящихся в монастырском архиве, можно встретить немало таких писем, адресованных на имя Аркадия, Конона и Геннадия. Тут есть письма из г. Боровска, Калужской губернии, из Екатеринбургa, Пермской губ., из Галича, из Москвы, из Коревского (?) девичьего монастыря и других мест. Безграмотные письма полны приветствий «добрым страдальцам», которых авторы писем величают епископами и которых они просят помолиться за них. Другие, «припадая к стопам», просят «заочного пастырского благословения». Третьи посылают «гостинцы — черную икру», которую просят епископов «употребить на пищу и скушать во славу Божию».

Неизвестна судьба подобных «гостинцев»; так как письма, при которых они посылались, не передавались заключенным, то есть основание думать, что такую же судьбу терпели и «гостинцы», посылавшиеся «добрым страдальцам».

В тех случаях, когда на имя заключенных епископов получались такие письма, которые отцу архимандриту казались почему-нибудь подозрительными и даже противозаконными, — он немедленно же доносил об этом владимирскому епархиальному начальству, при чем представлял и самые письма, возбуждившие его подозрения.

Так, в июне месяце 1868 года на имя *епископа* Геннадия получается письмо из Екатеринбургa. Досифей, на просмотр которого оно «по учрежденному порядку» было доставлено, «усомнился»: ему почудилось в этом письме что-то загадочное и подозрительное. И вот он спешит «совершенно секретно» представить это письмо владимирскому архиерею. Особенно подозрительным показалось архимандриту Досифею начало письма, где стояли следующие буквы: Г. I. X. С. Б. П. Н.

«Находя содержание сего письма, — пишет он архиерею, — отчасти загадочным и в то же время обнаруживающим скопище особой раскольнической секты, я счел долгом, прежде вручения письма по адресу, представить его в подлиннике вашему высокопреосвященству на обозрение; и затем буду иметь честь ожидать архиерейского по сему предмету приказания».

Получив этот секретный «рапорт», владимирская духовная консистория требует от Геннадия объяснений по поводу загадочного письма, полученного на его имя: от кого это письмо, и что именно означают «недописанные слова», так сильно напугавшие архимандрита Досифея: «Г. I. X. С. Б. П. Н.». Геннадий немедленно же отвечает, что письмо это писано к нему его двоюродной сестрой, и что «недописанные слова», которыми начинается это письмо: Г. I. X. С. Б. П. Н., означают: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!.. Таким образом, ларчик открылся очень легко и очень просто. Однако, постановление, которое состоялось в духовной консистории по этому поводу, невольно вызывает недоумение.

«Как из объяснений лжеепископа Геннадия, — значит в этом постановлении, — так и по смыслу письма видно, что недописанные слова ничего не заключают в себе противозаконного, а он, Геннадий, обязался внушить всем, чтобы подобных сокращений в

письмах к нему пишущие не позволяли себе, то письмо родственницы Геннадия оставив при деле, вам, отцу архимандриту Досифею, предписать, чтобы и на будущее время следили за перепиской Геннадия и в случае сомнения доносили его высокопреосвященству». Казалось бы, что раз в письме не оказалось решительно ничего противозаконного и сомнительного, то отчего бы не выдать этого письма тому лицу, которому оно предназначалось?..

XIII. Освобождение.

Прошло 25 лет со времени заключения в монастырь Аркадия и Алимпия. В апреле месяце 1879 года директор канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода Ив. Ненарокомов обратился к архимандриту Досифею с секретным письмом, в котором писал: «Согласно приказанию его сиятельства¹⁰ г. обер-прокурора, имею честь обратиться к вашему высокопреподобию с покорнейшей просьбой сообщить мне в непродолжительном по возможности времени сведения о поведении и образе жизни содержащихся в суздальском Спасо-Евфимиевском монастыре лжеепископе Аркадии, лжеархиепископе Геннадии¹¹ и лжеепископе Кононе».

На этот запрос архимандрит Досифей отвечал, что «по ведомости, представленной им в декабре месяце за прошлый 1878 год, лица сии аттестованы так:

1) Лжеархиепископ Аркадий, 70 лет, увещаний не слушает, будучи уверен в ложных своих убеждениях; но по поведению ведет себя строго и благопокорлив.

2) Лжеепископ Конон, 81 года, от некоторых ложных убеждений по преклонности лет не в силах отказаться; по поведению совершенно безукоризнен.

3) Лжеепископ Геннадий, 53 лет, держится упорно своих ложных убеждений, ревниво защищает принятый им незаконно епископский сан; по поведению вспыльчив, не всегда мирен и покорен».

Эту характеристику старообрядческих архиереев о. архимандрит заканчивает так: «При этом осмеливаюсь присовокупить, что означенные лица и по настоящее время при прежнем поведении, ведут одинаковый образ жизни, как и прежде».

Чем собственно был вызван запрос директора канцелярии обер-прокурора Синода — из дел не видно. Быть может, поводом для этого запроса послужила известная статья «Голоса», появившаяся как раз около того времени, — статья, в которой довольно подробно рассказывалась печальная судьба старообрядческих епископов, томившихся в суздальской монастырской тюрьме, и в то же время выражалась надежда на скорое освобождение несчастных узников. Статья эта, вызвавшая приостановку «Голоса», произвела тогда сильное впечатление на русское общество, которое впервые узнало из нее о том, что в монастырских казематах целые десятки лет сидят старообрядческие епископы... С тех пор прошло еще два года.

Утром 8-го сентября 1881 года в суздальской почтово-телеграфной конторе получились две очень важные телеграммы на имя настоятеля Спасо-Евфимиева монастыря архимандрита Досифея. Одна из телеграмм была из Петербурга, другая — из Владимира. По получении телеграмм начальник конторы, не теряя ни одной минуты времени, отправил телеграфиста в монастырь.

Когда келейник, состоящий при архимандрите Досифее, доложил ему, что принесли две телеграммы на его имя, о. настоятель заволновался. Распечатав дрожащими руками одну из телеграмм, он с волнением взглянул на подпись. Там стояли слова: «министр внутренних дел Игнатьев». Досифей впился в телеграмму, состоящую из следующих строк:

«Государь император, по всеподданнейшему докладу моему, всемилостивейше соизволил на освобождение старообрядцев Аркадия, Конона и Геннадия из монастырского заключения, с недопущением местожительства их в столицах и раскольнических центрах и с тем, чтобы

¹⁰ Графа Д.А. Толстого.

¹¹ Директор канцелярии, очевидно, перемешал: архиепископом был Аркадий, а Геннадий — епископом.

Геннадий предварительно освобождения его был подвергнут освидетельствованию способностей, о чем мною сообщается обер-прокурору Святейшего Синода и губернатору».

Архимандрит Досифей спешит распечатать другую телеграмму, также адресованную на его имя. В телеграмме стояло: «Сегодня к вечеру приеду в Суздаль. Если не стесню, переночую у вас. Губернатор Судиенко».

Это произошло 8-го сентября 1881 года. В виду особенной важности полученных телеграмм настоятель монастыря счел нужным пометить не только месяц и число их получения, но даже час и минуты. На обеих телеграммах сверху рукою Досифея написано: «Получено 8-го сентября 1881 года, в 11 часов 45 минут».

К вечеру, действительно, приехал губернатор М.И. Судиенко и остановился в монастыре, в квартире архимандрита, где на случай приезда важных и чиновных гостей имеются особые комнаты.

На другой день, 9-го сентября, находившимся в монастырской тюрьме старообрядческим архиереям Аркадию, Конону и Геннадию было объявлено об освобождении их государем императором от заключения на условиях, указанных в телеграмме министра внутренних дел, графа Н.П. Игнатьева. Затем в присутствии губернатора и «градских депутатов» консилиум врачей свидетельствовал умственные способности епископа Геннадия. Следует думать, что результат этого освидетельствования был благоприятный для Геннадия, так как он вместе с другими был тогда же выпущен на свободу.

Освобожденные епископы не замедлили, разумеется, покинуть монастырь, с его тюрьмой, в которой им пришлось так долго томиться, так много выстрадать. 10-го сентября все они «выбыли из монастыря в ведение гражданского начальства, в места жительства, ими себе избранные». Так, в последний раз, доносил о них архимандрит Досифей министру внутренних дел, графу Игнатьеву.

Одновременно с этим он донес владимирскому епископу Феогносту¹², что «во исполнение Высочайшей воли его величества государя императора, сообщенной ему его сиятельством г. министром внутренних дел, старообрядцы, находившиеся в монастырском заключении, Аркадий, Конон и Геннадий, 9-го сентября освобождены из оного при непосредственном распоряжении г. губернатора. Вместе с этим архимандрит Досифей счел необходимым сообщить епископу Феогносту, что «Аркадий и Конон отправились из Суздаля в г. Владимир, а Геннадий — в Казань».

Впрочем, в Казани Геннадий пробыл не долго, так как вскоре переехал в Харьков, где он и обосновался на постоянное жительство. Здесь свою деятельность в качестве старообрядческого епископа он вооружил против себя духовные власти, со стороны которых последовал целый ряд доносов на Геннадия.

В самом начале 1884 года над Геннадием снова стряслась беда. Харьковское епархиальное начальство, находя пребывание Геннадия в Харькове вредным и небезопасным, возбудило ходатайство о высылке его из этого города. Ходатайство это было поддержано, вследствие чего 26-го января 1884 года состоялось Высочайшее повеление, в силу которого «проживавший в Харькове под надзором полиции крестьянин Пермской губернии Григорий Беляев, — он же лжеепископ Геннадий, — был назначен к высылке из Харькова в г. Виндаву, Курляндской губернии».

Об этом распоряжении было тогда же объявлено Геннадию. «Между тем, из полученных министерством внутренних дел от курляндского губернатора и частным путем сведений оказалось, что названный раскольник, вопреки упомянутому Высочайшему повелению, отправился не в г. Виндаву, а в г. Хвалынский, Саратовской губ., а оттуда в Уфимскую губернию, на Златоустовский завод».

Вследствие этого министр внутренних дел обратился к г. синодальному обер-прокурору с вопросом, «не признает ли он необходимым, для прекращения дальнейших противозаконных действий крестьянина Беляева, вновь подвергнуть его заключению в суздальский Спасо-Евфимиев монастырь». Обер-прокурор Святейшего Синода выразил свое согласие на эту меру. Вскоре после этого управляющий министерством внутренних дел вошел с всеподданнейшим докладом об этом к государю императору, и его императорское величество

¹² Впоследствии — киевскому митрополиту, недавно умершему.

в 7-й день июня 1884 года Высочайше повелеть соизволил: крестьянина Григория Беляева («лжеепископа» Геннадия) за противозаконные его действия подвергнуть вновь заключению в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре.

Святейший Правительствующий Синод, заслушав предложение по этому поводу синодального обер-прокурора от 21-го июня того же 1884 года за № 2952, в котором было подробно изложено всё ход дела, приказал: «о содержании настоящего предложения дать знать владимирскому преосвященному, предписав ему сделать распоряжение об учреждении за лжеепископом Геннадием со стороны монастырского начальства строгого надзора».

Получив этот указ Святейшего Синода, владимирский епископ Феоност усомнился: где и как следует содержать Геннадия, т. е. в числе братии монастыря, на воле, или же в арестантском отделении. О разрешении своего недоумения он запросил Святейший Синод, который ответил, что Геннадия следует содержать в арестантском отделении. Мера эта, однако, не была приведена в исполнение, так как Геннадий, зная по горькому опыту, что такое монастырское заточение, предпочел оставить Россию и бежал в Австрию, к тамошним старообрядцам... Там он и умер.

Давно умерли также и Аркадий и Конон. О последнем в год его смерти нами был напечатан довольно подробный некролог в «Русских Ведомостях», 1884 г., в № 24. Так как некролог этот сообщает несколько новых сведений относительно условий жизни Конона и Аркадия в суздальском монастыре, то мы и позволим себе привести его здесь лишь с небольшими сокращениями

«Телеграф принес известие о смерти одного из старейших старообрядческих епископов — Конона, умершего 21-го января в городе Владимире-на-Клязьме, где он жил последние годы на покое. Печальная судьба этого «древлецерковного святителя», его замечательная нравственная стойкость, обнаруженная им в деле отстаивания своих заветных убеждений, — всё это дает ему несомненное право на общественное внимание, а потому, мы полагаем, будет нелишне почтить его память несколькими словами.

Конон, в мире Козьма Трофимович Смирнов, сын донского казака Есауловской станицы, родился 12-го октября 1798 года. Как казак, он сначала служил в военной службе, но, пробыв установленные тогдашними правилами 25 лет, вышел в отставку и, спустя некоторое время, принял монашество. Вскоре добродетельная жизнь обратила на него внимание старообрядцев, и вследствие приговора общества в 1853 году он был посвящен в сан епископа зыбковского (слободы Черниговской губернии). Самое рукоположение Конона в епископы совершено было в Австрии, белокриницким митрополитом Кириллом. Возвратившись в Россию, Конон около пяти лет исправлял обязанности старообрядческого епископа, но в 1858 г., во время пребывания его в Киевской губернии, он был арестован за носимое им звание и затем заточен в суздальскую крепость, находящуюся при Спасо-Евфимиевском монастыре.

Здесь, в суровом заточении монастырского каземата, епископ Конон провел почти целую четверть века, а именно — двадцать три года. Особенно тяжело было его положение в течение первых восьми лет, которые ему пришлось высидеть в сырой, холодной тюремной камере, помещавшейся в глубоком подвале. Заключение было строго одиночное; у дверей камеры и день и ночь стояли часовые с ружьями. Тяжелые условия заключения расстроили когда-то крепкое здоровье Конона; сидевший в той же тюрьме, при одинаковых условиях другой старообрядческий епископ Аркадий славский почти совсем лишился ног.

Впоследствии положение Конона несколько улучшилось: он был переведен в более сносное помещение, ему начали давать книги для чтения; затем изредка ему разрешались свидания с приезжавшими навестить его старообрядцами. Свидания эти всегда происходили в присутствии архимандрита, настоятеля монастыря, в его квартире.

Конону во время его заключения постоянно делались увещания и предложения оставить старообрядчество и присоединиться к православию или единоверию, за что обещалось немедленное освобождение, а также многие льготы и милости. В 1870 году, по распоряжению высшей духовной власти, Конон был привезен в Москву и поселен при Никольском единоверческом монастыре; здесь его постоянно навещали миссионеры православной Церкви, убеждая его «оставить раскол». Однако, все эти увещания не имели никакого успеха, и потому Конон был снова отослан в Суздаль, в тюрьму.

«Во время своего пребывания в единоверческом монастыре Конон написал толкование на 3-ю книгу Ездры; в настоящее время сочинение это находится за границей, в руках известного отца Пафнутия. Московское старообрядческое общество много раз предпринимало ходатайство об освобождении своих епископов, но все эти ходатайства оставались всегда «без последствий».

ДОПОЛНЕНИЕ ОТ РЕДАКЦИИ «РОДНОЙ СТАРИНЫ»

Биографические сведения о епископах-исповедниках из словаря С.Г.Вургафта и И.А.Ушакова «Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы».

АРКАДИЙ (Андрей Дорофеев; 1809-1889) — исповедник, архиепископ славский Древлеправославной Церкви Христовой (старообрядцев, приемлющих белокриницкую иерархию); поставлен митр. Амвросием в епископы 24 авг. 1847 г., в сан архиепископа возведен епископами Онуфрием и Алимпием в 1848 г. Родом из крестьян молдавского с. Куничи (Куничное). В 15 лет ушел за границу, в Яссы, где жил в качестве прислуги у русских купцов Ивана Александрова и Михаила Антонова. Отсюда отправился в скит Мануиловку, в Румынии. Здесь два года он провел в послушниках, затем он прибыл в старообрядческий Лаврентьевский монастырь в Стародубье. Здесь в 1829 г. принял иноческий постриг. С 1830 по 1834 г. вновь жил в Мануиловском скиту. Затем перешел в турецкие владения и поселился в Славском монастыре, откуда он предпринял путешествие в Царьград. На обратном пути полгода жил у некрасовцев в скиту Белый Камень и еще год в с. Мельча, затем вернулся в Славский монастырь. В автобиографическом жизнеописании И.Г. Кабанова (Ксеноса) говорится, что в 1830-х гг. Аркадий принимал участие в его воспитании, будучи игуменом Лаврентьева монастыря. Через два года Аркадий совершает второе путешествие в Царьград, вновь подолгу останавливаясь у некрасовцев на о. Майнос и в скиту Каменный мост. Вернувшись в Румынию незадолго до присоединения к старообрядчеству митр. Амвросия, он поселился возле с. Журиловка, где участвовал в соборе, на котором журиловцы приняли окончательное решение о признании над собою власти митр. Амвросия. На этом соборе из иноков были отобраны два кандидата для поставления в саны священника и диакона (одним из них был инок Аркадий). В 1847 г. в Белокриницком монастыре он был поставлен митр. Амвросием в епископа славского, в 1848 г. возведен в сан архиепископа. Все служение его было страдальческим: турецкие власти по доносу арестовали его и заключили в тюрьму, где содержали, пока велось следствие, выявившее его правоту. В 1854 г. (в Добрудже, на территории Турции) он был схвачен царской охранкой (по др. данным - русским военным командованием) во время турецкого похода. Причиной ареста еп. Аркадия и еп. Алимпия, по свидетельству Кельсиева, было коварство двух русских офицеров, не захотевших расплачиваться со старообрядцами за провиант, а также тот факт, что один из этих епископов не допустил генерала А.К. Ушакова (1803-1877) к ограждению крестом как иноверца. Доставлен сначала в Москву, а затем в Спасо-Евфимиев суздальский монастырь, где в течение 27 лет содержался как секретный заключенный. Настоятель монастыря писал о своем узнике владимирскому архиерею: «Нрава он кроткого, но ныне стал гнушаться чтением наших церковных и нравоучительных книг». В заключении держался твердо и с честью вышел из него в 1881 г. Погребен на Рогожском кладбище.

АЛИМПИЙ (Антоний; ум. 25 авг. 1859) — священномученик и исповедник, епископ тульчинский Древлеправославной Церкви Христовой (старообрядцев, приемлющих белокриницкую иерархию); поставлен архиеп. Аркадием (Дорофеевым) 26 или 27 сент. 1850 г. Происходил из мещан г. Калуги. В 1814 г. поступил в Лаврентьевский старообрядческий монастырь в Стародубье. Здесь в 1817 г. был пострижен в иноки. Прожив в Лаврентьевском монастыре до 1840 г., ушел за границу, в турецкие владения, и поселился в Славском монастыре. В 1847 г. еп. Аркадий славский рукоположил его в священноиноки; еще спустя

три года он был рукоположен во епископы г. Тульчи. В 1854 г. так же, как и архиеп. Аркадий славский, он был схвачен российскими властями. Причиной ареста этих архиереев, по свидетельству Кельсиева, была месть двух русских офицеров, не захотевших расплачиваться со старообрядцами за провиант, а также тот факт, что один из этих епископов не допустил генерала А.К. Ушакова (1803-1877) целовать крест как нестарообрядца. Доставлен сначала в Москву, а затем в Суздаль, в Спасо-Евфимиев монастырь. Здесь он содержался в арестантском отделении как секретный заключенный, без имени под номером 2. В тюрьме его здоровье ослабело и он скончался. Его тело схоронили вне монастыря, в месте, указанном полицией. Сохранилось свидетельство исследователя А. Пругавина, летом 1902 г. посетившего могилу еп. Алимпия: «...она находится на Златоустовском городском кладбище, в левом дальнем углу от входа, около самого рва, которым окопано кладбище. По словам старожилов, в этом месте в былое время хоронили умерших от холеры».

КОНОН (Козьма Трофимович Дураков; 1797-1884) — епископ новозыбковский (черниговский) Древлеправославной Церкви Христовой (старообрядцев, приемлющих белокриницкую иерархию). По происхождению донской казак Есауловской станицы. Выйдя в отставку после военной службы и приняв иночество, поселился отшельником в землянке неподалеку от пос. Лужки Черниговской губ., где прожил таким образом пять лет. Подвижническая жизнь, большая начитанность и кротость характера доставили иноку Конону большое уважение среди местных старообрядцев. В нач. 50-х гг. он переселился в Белокриницкий монастырь, где некоторое время исполнял обязанности скончавшегося инока Павла Белокриницкого — был письмоводителем монастыря. 20 окт. 1855 г. митр. Кирил рукоположил его в епископы на черниговскую кафедру. В 1858 г. в турецких владениях он был схвачен жандармами и по указанию имп. Александра II от 30 янв. 1859 г. отправлен в заточение в суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, где уже содержалось два старообрядческих епископа — Алимпий и Аркадий. Цель заключения по Высочайшему указу заключалась в том, чтобы «ему там были делаемы кроткие увещания об оставлении его заблуждений и присоединении к святой церкви». В арестантском отделении монастыря еп. Конон просидел 22 года. На протяжении всего этого времени архимандриты монастыря сообщали о нем по начальству, что увещаниям он «не внимал» и «вел себя кротко». Некоторое время он содержался в Никольском единоверческом монастыре у Павла Прусского, который пытался совратить епископа в единоверие, причем предлагал ему продолжать жить в монастыре, пользуясь относительной свободой. Однако преосвященный Конон почел за лучшее возвратиться к своему прежнему месту заключения. Выйдя на свободу в сент. 1881 г., он еще смог принять участие в освящении храма в Черемшане (см. Черемшанские монастыри). Заключение не прошло для него бесследно: больной старец не мог стоять на ногах и лежал в постели до кончины. Остаток жизни провел во Владимире. Смиренность и кротость его нрава отмечали даже враги старообрядчества. Погребен рядом с архиеп. Антонием на Рогожском кладбище.

ГЕННАДИЙ (Григорий Васильевич Беляев; 1824-1892) — исповедник, епископ пермский Древлеправославной Церкви Христовой (старообрядцев, приемлющих белокриницкую иерархию). Происходил из семьи крепостных Лысьвинского завода Пермской губ.; 18 лет от роду покинул родительский дом и удалился в леса около Кунгура ради молитвы. Поселился в старообрядческом скиту, состоявшем из нескольких келий. Здесь жили старцы, искавшие спасения вдали от мира. Настоятелем скита был инок схимник Никита, впоследствии арестованный и умерший в остроге в Кунгуре. Из кунгурских лесов Геннадий перебрался в Уральск, а затем, в 1853 г., в Саратовскую губ. Поселился он у еп. Афанасия, был пострижен в иноки и поставлен в иеродиаконы. В окт. 1856 г. Геннадий рукоположен в сан священника, а через месяц поставлен в архимандриты. Вскоре после этого вместе со священноиноком Пафнутием как человек, достойный поставления в епископы, был направлен владыкой Афанасием в Москву к архиеп. Антонию, который и рукоположил его в архиереи на пермскую кафедру 9 янв. 1857 г. (по др. данным — в 1856 г.). Границы его

епархии охватывали Пермскую, Оренбургскую, Вятскую и Тобольскую губ. В 1859 г. полиция арестовала владыку Геннадия и отправила его этапом в кунгурскую тюрьму. Дорогой к этапу был присоединен некий Спиридон Курдюков, который специально совершил мелкое преступление для того, чтобы оказаться рядом с еп. Геннадием. Им удалось поменяться местами, что дало возможность еп. Геннадию вскоре выйти из-под ареста (Курдюков же за подмену был наказан 60-ю ударами розгами и 50-рублевым штрафом); 6 дек. 1862 г., на праздник святителя Николы Чудотворца, еп. Геннадий был вторично схвачен в Екатеринбурге и «под крепким караулом» отправлен в тюремное заключение. Арестовали его во время совершения службы в доме колыванского купца Чувакова. В июне 1863 г. по высочайшему повелению его переправили в суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь, в арестантское отделение. Настоятель монастыря отзывался о нем: «Геннадий по закоренелости своей в расколе всегда ставит раскольнические свои заблуждения выше обрядов православной церкви и носимый им незаконно епископский сан считает законным». В конце 1869 г. известный в то время миссионер Павел Прусский выразил желание побеседовать с владыкой Геннадием, чтобы склонить его к переходу в единоверие. Владыку, якобы изъявившего желание присоединиться к единоверию, перевозят в Москву, в Никольский единоверческий монастырь. Но он заявляет, что готов присоединиться к единоверию в сущем сане епископа, чего, конечно, власти никак не допускали. Заподозрив, что еп. Геннадий согласился на собеседования с единоверцами лишь для того, чтобы удобнее найти путь к побегу, обер-прокурор Д.А. Толстой снова отправляет его в арестантское отделение Спасо-Евфимиевского монастыря. Освобождение пришло лишь 9 сент. 1881 г., когда старообрядческим епископам Геннадию, Конону и архиеп. Аркадию было объявлено, что по докладу министра внутренних дел графа Игнатьева император распорядился выпустить их из-под стражи на свободу с запрещением проживания в столицах и «раскольничьих» центрах. Владыка Геннадий после освобождения первоначально поселился во Владимире, а затем перебрался в Харьков, где в то время образовалась большая старообрядческая община. В 1884 г., сочтя его пребывание в Харькове опасным, власти выслали его в г. Виндаву Курляндской губ., но затем передумали и решили вновь подвергнуть его монастырскому заключению. Тогда владыка Геннадий, оставив Россию, перебрался в Румынию в Тисский монастырь, где и умер.

ОБ АВТОРЕ

ПРУГАВИН, Александр Степанович — публицист-этнограф. Родился в 1850 году в Архангельске, в семье надворного советника, штатного смотрителя народных училищ Архангельской губернии. Обучался в местной гимназии и Петровской земледельческой и лесной академии. Осенью 1869 г. был в сношениях с участниками нечаевской «Народной Расправы». Привлекался к дознанию по нечаевскому делу по подозрению в знании о тайном сообществе; в мае 1871 г. по определению гражданского кассационного департамента Сената судебное преследование прекращено за недостатком улик. Свидетель по процессу нечаевцев. В середине 1870 г. вместе с Н.М. Аносовым стоял во главе революционного кружка студентов Петровской академии; вел пропаганду среди ее служителей. Был отчислен из академии и до 1879 года проживал в ссылке в Архангельской и Воронежской губерниях. Столкновения и знакомства со старообрядчеством и многочисленными последователями разных религиозных сект на Крайнем Севере возбудили в Пругавине желание заняться изучением последних, и результатом этого изучения была его 1-я печатная статья: «Знаем ли мы раскол?» (в «Неделе», 1877, №№ 49 и 50, под псевдонимом Борецкого), за которой последовал ряд других, напечатанных в «Голосе», «Новом Времени», «Русском Курьере», «Стране», «Русской Мысли», «Вестнике Европы», «Русских Ведомостях», «Историческом Вестнике», «Неделе» и других. Наиболее замечательные из них: «Еретики» («Голос», 1880, №№ 227, 229 и 234; этой статьей Пругавин вызвал участие к узникам в некоторых высокопоставленных лицах и особенно в великом князе Константине Николаевиче, благодаря чему состоялось

Высочайшее повеление об освобождении Адриана Пушкина, 15 лет проведшего в полном одиночном заключении на одном из Соловецких островов, и трех старообрядческих епископов из тюрьмы суздальского монастыря), «Шлиссельбургская крепость» («Русская Мысль», 1880, № 12), «Раскол и его исследователи» (ib., 1881, № 2), «Значение сектантства в русской народной жизни» (ib., 1881, № 1), «Алчущие и жаждущие правды» (ib., 1881, №№ 10 и 12 и 1882, № 1), «Соловецкие узники» (ib., 1881, № 11), «Генерал Пашков и его проповеди» («Новое Время», 1880, № 1413), «Привилегированное сектантство» и «Религиозные кружки в Санкт-Петербурге» («Голос», 1882, №№ 67, 74, 87 и другие), «Пашковцы» («Русская Мысль», 1884, № 5), «Немоляки» («Вестник Европы», 1883, № 2), «Уральское старообрядчество» («Голос», 1883, №№ 33 и 37), «Чернокнижники» («Русские Ведомости», 1883, №№ 151 и 152), «Губернаторское описание Выгорецкого общества» («Исторический Вестник», 1883, № 8), «Русские сектанты до закона 3 мая 1883 года» («Русская Мысль», 1883, №№ 10 и 11), «Штунда в Орловской губернии» («Русские Ведомости», 1884, №№ 63 и 70), «Вредные секты. Очерки уральского сектантства по официальным данным» («Русская Старина», 1884, №№ 3 и 4), «Духовно-библейское братство. Очерки еврейского религиозного движения» («Исторический Вестник», 1884, №№ 11 и 12), «Граф Лев Николаевич и Сютаяев» («Неделя», 1885, № 39, под псевдонимом Борецкий) и «Религиозные кружки в Москве» («Северный Вестник», 1887, № 2). Две попытки Пругавина собрать свои статьи в отдельное издание окончились неудачей. Книги: «Раскол внизу и раскол вверху. Очерки современного сектантства» (Санкт-Петербург, 1882) уничтожена по постановлению комитета министров; «Отщепенцы. Староверы и новоязычники. Очерки из области религиозно-бытовых движений русского народа» (Санкт-Петербург, 1884) уничтожена по требованию духовной цензуры. Появилась в отдельном издании из работ Пругавина только «Раскол и сектантство. Материалы для религиозно-бытовых движений русского народа. Выпуск 1. Библиография старообрядчества и его разветвлений» (Москва, 1887). В своих трудах Пругавин ратовал за безусловную веротерпимость и полную равноправность старообрядцев и доказывал «тесную связь вопроса о расколе со всеми вопросами нашего общественного быта, которые относятся до правового и экономического положения народа». Не имея возможности продолжать далее исследований, Пругавин обратился в 1888 году к изучению грамотности в нашем простом народе и по этому вопросу отдельно издал «Программу для собирания сведений о том, что читает народ» (Москва, 1888; 2-е изд., 1891); «Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения» (Москва, 1890; 2-е изд., 1895; это обширная книга, в которую вошли чрезвычайно ценные статьи о вольных крестьянских школах, о лубочной литературе, о публичных чтениях для народа и т. д., печатавшиеся ранее в разных повременных изданиях, преимущественно в «Русских Ведомостях» и «Русской Мысли»); «Законы и справочные сведения о начальном народном образовании» (Санкт-Петербург, 1898). Его позднейшие труды: «Старообрядческие архиереи в Суздальской крепости» (СПб., 1903; 2-е изд., 1908); «Старообрядчество во второй половине XIX века. Очерки из новейшей истории раскола» (Москва, 1904); «Религиозные отщепенцы» (2 выпуск, СПб., 1904); «Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством» (Москва, 1905); «Раскол и сектантство в русской народной жизни» (Москва, 1905). Во время революции 1917 г. уехал из Петербурга сначала на Волгу, а затем в Сибирь, где редактировал военную газету у белых. В конце марта 1920 г. арестован в Ново-Николаевске Особым отделом 51-й дивизии 5-й армии, боровшейся против Колчака, и отправлен в тюрьму в г. Красноярск. Умер там же в тюремной больнице от сыпного тифа осенью 1920 г.

Источники: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона; "Деятели революционного движения в России", биобиблиографический словарь, издание Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев (М., 1927-34), под редакцией Ф. Я. Кона, Б. П. Козьмина, В. И. Невского, И. А. Теодоровича и др.